

Антарктида
русской поэзии
XX столетия

II

1920

Въ Земской Трарб

АНТОЛОГІЯ

II.

АНТОЛОГІЯ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ
XX СТОЛѢТІЯ.
II.

СОСТАВИЛА:
Н. Ф. МЕЛЬНИКОВА-ПАПОУШКОВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАША РѢЧЬ“.
ПРАГА II, КАТЕТИНСКЀ 40. ѢЕCHOSLOVAKIA.

ЕЩЕ НѢЧТО О НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что второй томъ антологіи XX столѣтія, т. е. тотъ, который долженъ заключать въ себѣ поэтовъ наиболѣе близкихъ къ нашимъ днямъ, начинается какъ разъ творчествомъ В. С. Соловьева, почившаго въ 1900 г. на рубежѣ нашего вѣка. Для такого размѣщенія у насъ было однако достаточно внутреннихъ основаній. Та группа писателей, которая составляетъ ядро младшаго поколѣнія русскихъ модернистовъ, т. е. А. Блокъ, А. Бѣлый, В. Ивановъ, М. Волошинъ, безспорно является основой современнаго символизма, уже такъ давно, хотя и незамѣтно, процвѣтающаго въ русской литературѣ. Но символизмъ вышеназванныхъ авторовъ носитъ свой особый, мы бы сказали, національный колоритъ философско-религіознаго ученія, родоначальникомъ котораго былъ В. Соловьевъ. Этотъ величайшій мыслитель и толкователь духа роднаго народа былъ одновременно и поэтомъ, въ томъ смыслѣ, что въ изящной стихотворной формѣ излагалъ свои философскія воззрѣнія.

Что касается понятій и взглядовъ В. Соловьева, оставшагося почти неизвѣстнымъ для широкой публики не только европейской, но и своей домашней, то они по силѣ и способности предвидѣть и оцѣнить будущее принадлежатъ еще цѣлой вереницѣ грядущ-

щихъ вѣковъ. Такова, такъ сказать, внутренне формальная связь здравствующихъ поэтовъ символистовъ съ отошедшимъ учителемъ; но есть еще болѣе видимыя узы ихъ связывающія — это ихъ самоличное признаніе своей преемственности съ русскимъ пророкомъ и философомъ.

Если мы возьмемъ любого изъ выше поименованныхъ авторовъ, то увидимъ, какъ если не все свое творчество, то по крайней мѣрѣ цѣлый рядъ стиховъ они посвящаютъ, вѣчно съ ними присутствующему В. Соловьеву. В. Ивановъ, А. Бѣлый, но болѣе всѣхъ А. Блокъ находятся такъ сказать подъ знакомъ В. Соловьева и уже эпиграфами изъ его философскихъ трудовъ обозначаютъ теченіе своихъ мыслей и чувствъ. Два главные вопроса проходятъ черезъ творчество учителя и всей его школы: Богъ и богоносность русскаго народа и любовь, какъ слияніе съ вселенской мудростью и женственностью.

Религіозный вопросъ былъ вѣчно близокъ русской душѣ, не даромъ уже изъ него выросли такіе два титана, какъ Ф. Достоевскій и Л. Толстой, но въ формѣ мистической поэзіи онъ принадлежитъ однако 20-му столѣтію, неудовлетворенному настоящей земной жизнью. Отсюда порывъ въ небо, пріятіе видимаго міра лишь за символъ или за отраженіе совершеннѣйшаго бытія. Въ отличіе однако отъ романтиковъ и отъ декадентовъ, которые тоже были недовольны всѣмъ существующимъ, современные символисты не опускаютъ рукъ, не уходятъ въ отвлеченность, а лишь стараются преобразить жизнь, поднять „мѣщанина“ до своихъ духовныхъ высотъ, и принести въ жертву даже солнце, какъ мы видимъ, на примѣръ, у А. Бѣлаго въ „Возвратѣ“. О примиреніи съ дѣйствительностью въ томъ видѣ, какъ она сейчасъ существуетъ, не можетъ быть и рѣчи; наоборотъ: „Топчи ихъ рай Аттила!“, чтобы на новомъ расчищенномъ мѣстѣ выросли невиданныя звѣзды — цвѣты. (В. Ивановъ — Кочевники красоты). Но и въ

нашихъ будняхъ есть вѣрный залогъ, надежда на будущее—это Христось, живущій въ народѣ, съ нимъходящій въ нищенскомъ образѣ родной край. О скоромъ пришествіи; яркой надеждѣ на Его близость, о страшной и въ то же время интимной съ Нимъ связи можемъ мы прочесть въ цѣломъ рядѣ стиховъ и Бѣлаго, и Иванова, и Блока.

Другое чувство, смягчающее повседневность — это любовь, но не къ земному, данному субъекту, а къ вѣчной женственности, къ премудрости Божіей—Софіи, способной однако воплощаться и въ реальномъ существѣ. Лучшимъ выраженіемъ такого чувства являются въ мировой литературѣ „Три Свиданія“ В. Соловьева. За нимъ безспорно можетъ быть поставленъ А. Блокъ, посвятившій цѣлую книгу „Стихи о прекрасной дамѣ“, драму „Балаганчикъ“ и еще рядъ иныхъ вещей возникновенію этого высокаго чувства, человѣческимъ колебаніямъ и паденіямъ, и наконецъ торжеству. Совершенства въ этой области онъ достигаетъ въ „Незнакомкѣ“, сливая или вѣрнѣе воплощая божественный духъ въ живой, незнакомой, но близкой и понятной женщинѣ.

Говоря, въ самомъ началѣ о группѣ символистовъ, господствующихъ въ литературѣ за послѣдніе 10 лѣтъ, мы упомянули среди прочихъ именъ и М. Волошина, соединеннаго съ остальными крѣпкими, но негустыми нитями. Это одинокая душа, живущая своими мечтами и видѣніями, не сливаясь съ обыденной жизнью. Рѣдко въ комъ иномъ такъ воплощены слова Достоевскаго о двухъ одинаково дорогихъ для русскаго человѣка родинахъ: Европѣ и Россіи. Живя подолгу въ Парижѣ, М. Волошинъ понялъ и проникся „страной святыхъ чудесъ“, но въ то же время сердце его горитъ любовью къ родинѣ. Религіозное чувство, будто бы съ отгѣнкомъ католицизма (но кого изъ свободомыслящихъ въ этомъ не упрекали въ Россіи!) проникаетъ, какъ лучами, лучшую часть его стиховъ.

Непосредственно примыкающимъ къ этой группѣ и даже лично считающимъ себя ея ученикомъ и преемникомъ является С. Городецкій. Ближе всѣхъ стоитъ онъ къ В. Иванову и А. Блоку, на которыхъ и воспитался. Точность стиха, нѣжность чувства, музыкальность Городецкій принялъ отъ Блока. Доказательствомъ этого можетъ служить циклъ подражаній учителю, ему же и посвященный. Любовь и углубленіе въ старину, мифотворчество, воскрешеніе цѣлой генеалогіи русскихъ боговъ составляютъ наслѣдство В. Иванова. Роднить С. Городецкаго съ символистами и своеобразное описаніе города, проникновеніе въ глубь нужды и страданія, такъ что рядомъ съ самыми жизнеперрадостными мотивами мы находимъ скорбное гражданское творчество.

Однако цѣлая огромная литература, да еще такая богатая, какъ русская, не можетъ быть заполнена однимъ направлениемъ, хотя бы и преобладающимъ въ цѣломъ народѣ. Какъ образцы переработки и преемственности старшихъ завѣтовъ, мы рѣшили выбрать произведенія двухъ извѣстныхъ поэтессъ: А. Ахматовой и Л. Столицы. Мы считаемъ ихъ еще потому особенно интересными, что онѣ ярко представляютъ женское творчество и душу. Со временъ Ж. Сандъ, имѣвшей такое рѣшающее вліяніе на рядъ поколѣній русской молодежи, женщины массами стали эмансипироваться, оставляя однако въ моральной зависимости отъ мужчинъ. Если мы возьмемъ цѣлый рядъ дѣятельницъ, художницъ, поэтессъ, то увидимъ, что въ глубинѣ ихъ творчества лежитъ желаніе стать, какъ мужчины, имѣть мужскую психологію. Въ большинствѣ случаевъ получалось неестественное и непривлекательное смѣшеніе двухъ стихій, выдаваемое за оригинальность. Именно отсутствиемъ этой половинчатости, цѣльностью чувства мы и дорожимъ у обѣихъ вышепоименованныхъ поэтессъ. По ихъ творчеству мы можемъ слѣдовать тончайшіе изги-

бы женской души въ любви, въ материнствѣ, въ отношеніи къ окружающимъ. То, что было до сихъ поръ скрыто отъ глазъ публики или представлялось ей въ мужеской, неточной обработкѣ, красиво и понятно обнаружилось въ стихахъ Л. Столицы и А. Ахматовой.

Прежде, чѣмъ закончимъ нашу краткую статью, мы считаемъ необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ странномъ, болѣзненномъ явленіи русской литературы, а именно объ И. Сѣверяннинѣ, поэтѣ пред-революціонномъ. Если кто-нибудь безъ всякаго предупрежденія начнетъ читать тоненькія книжечки, столь нащумѣвашаго въ теченіе пяти лѣтъ поэта, то остановится въ полномъ недоумѣніи, что это насмѣшка надъ публикой или безуміе. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что это ни то и ни другое, а лишь удовлетвореніе вкуса господствующихъ круговъ. И. Сѣверяннинъ является не чѣмъ инымъ, какъ придворнымъ поэтомъ, слугою буржуазіи: для нея онъ писалъ, для нея портилъ звучную русскую рѣчь, для нея же кривлялся на подмосткахъ. Пока до революціи богатые классы имѣли перевѣсъ и ихъ требованія было выгодно исполнять, И. Сѣверяннинъ забавлялъ ихъ искаженными стихами объ автомобиляхъ, дорогихъ ужинахъ, экзотическихкихъ странахъ, но произошелъ переворотъ, и онъ попробовалъ служить новому господину. Однако опытъ оказался неудачнымъ. Бѣдный, нищій поэтъ онъ продалъ свой безсомнѣнный талантъ, какъ черту души, идеалу сытаго, довольнаго мѣщанства. Намъ спростятъ, если онъ такъ уродливъ, то для чего же мы говоримъ о немъ, даемъ образцы его творчества. Въ всякаго сомнѣнія И. Сѣверяннинъ болѣзнь на свѣтломъ ликѣ русской литературы, но болѣзнь знаменательная, по которой можно многое отгадать и понять о внутреннемъ состояніи страдающаго.

Намъ бы хотѣлось поговорить еще о многомъ касательномъ новѣйшей русской литературы, открывающей, какъ ни одна изъ другихъ европейскихъ ея

сестеръ, глубины духа, взрастившаго ея народа; но мы полагаемъ, что лучше чѣмъ наше слабое перо эту задачу выполняютъ произведенія собранныя нами въ этомъ второмъ томѣ русской антологіи.

Въ заключеніе считаемъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить Д-ра Ф. Тихиго изъ Бероуна за оказанную намъ любезную помощь при собираніи книгъ, необходимыхъ для составленія обоихъ томовъ антологіи.

Книги использованныя при составленіи:

Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ редакціей М. Гофмана СПБ; Е. Штернъ—Современные русскіе лирики СПБ 1907 г.; А. Блокъ — Стихи о прекрасной дамѣ, Москва 1905 г.; А. Блокъ — Двѣнадцать, Москва 1918 г.; „Современные русскіе поэты“ — подъ редакціей Sclver, Лондонъ 1917 г.; Антологія современной русской поэзіи, Кіевъ 1909 г.

Н. Мельникова-Папоушкова.

В. СОЛОВЬЕВЪ.

1853—1900

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами?
Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій —
Только откликъ искаженный,
Торжествующихъ созвучій?
Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ —
Только то, что сердце къ сердцу
Говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ.

* * *

Зачѣмъ слова? Въ безбрежности лазурной
Эфирныхъ волнъ созвучныя струи
Несутъ къ тебѣ желаній пламень бурный
И тайный вздохъ нѣмѣющей любви.
И трепеща у милаго порога,
Забытыхъ грезъ къ тебѣ стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Одинъ лишь мигъ, — и я передъ тобой.
И въ этотъ мигъ незримаго свиданья
Нездѣшній свѣтъ вновь озаритъ тебя,
И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

* * *

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шель къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ;
Боролася заря съ послѣдними звѣздами;
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.
Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилось мнѣ.
И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

* * *

У царицы моей есть высокій дворецъ,
О семи онъ столбахъ золотыхъ.
У царицы моей семигранный вѣнецъ,
Въ немъ безъ счета камней дорогихъ.
И въ зеленомъ саду у царицы моей
Розъ и лилій краса расцвѣла,
И въ прозрачной волнѣ серебристый ручей,
Ловить отблескъ кудрей и чела.
Но не слышитъ царица, что шепчетъ ручей,
На цвѣты и не взглянетъ она:
Ей туманить печаль свѣтъ лазурный очей,
И мечта ея скорби полна.
Она видитъ: далеко, въ полночномъ краю,
Средь морозныхъ тумановъ и вьюгъ,
Съ злою силою тьмы въ одиночномъ бою
Гибнетъ ею покинутый другъ.
И бросаетъ она алмазный вѣнецъ,
Оставляетъ чертогъ золотой,
И къ невѣрному другу, нежданный пришлецъ,

Благодатной стучится рукой.
И надъ мрачной зимой молодая весна —
Вся сіяя, склонилась надъ нимъ
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарнымъ покровомъ своимъ.
И низринуты тёмныя силы во прахъ,
Чистымъ пламенемъ весь онъ горитъ,
И съ любовію вѣчной въ лазурныхъ очахъ
Тихо другу она говорить:
— „Знаю, воля твоя, волнъ морскихъ не вѣрнѣй;
Ты мнѣ вѣрность клялся сохранить, —
Клятвѣ ты измѣнилъ, — но измѣной своей
Могъ ли сердце мое измѣнить? ...“

* * *

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ;
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.
Пусть собираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ:
Не страшися! Любви моей шить
Не падетъ передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь неподвижно стоитъ.
А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточи жизни земной,
Пламень вѣчной души, какъ съ востока звѣзда,
Поведетъ насъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви — мой отвѣтъ!...

* * *

Подъ чуждой властью знойной вьюги,
Видѣнья прежнія забывъ,

Я вновь таинственной подруги
Услышалъ гаснущій призывъ.
И съ крикомъ ужаса и боли, —
Желѣзомъ схваченный орель, —
Затрепеталъ мой духъ въ неволѣ,
И сътъ порвалъ и въ высь ушелъ.
И на заоблачной вершинѣ,
Предъ моремъ пламенныхъ чудесъ,
Во всесіяющей святынѣ
Онъ загорѣлся и исчезъ.

* * *

Въ странѣ морозныхъ вьюгъ, среди сѣдыхъ тумановъ,
Явилась ты на свѣтъ,
И бѣдное дитя, межъ двухъ враждебныхъ становъ
Тебѣ пріюта нѣтъ!
Но не смутятъ тебя воинственные клики,
Звонъ латъ и стукъ мечей!
Въ раздумѣ ты стоишь и слушаешь великій
Завѣтъ минувшихъ дней.
Какъ древле Вышній Богъ избраннику — еврею
Открыться обѣщаль —
И Бога своего, молитвой пламенѣя,
Пророкъ въ пустынѣ ожидалъ.
Вотъ грохотъ подъ землей и гулъ прошелъ далеко,
И меркнетъ солнца свѣтъ!
И дрогнула земля, и страхъ объялъ пророка...
Но въ страхѣ Бога нѣтъ!
И слѣдомъ шумный вихрь, и бурное дыханье,
И рокотъ въ вышинѣ,
И съ нимъ великій огонь, какъ молнія сверканье, —
Но Бога нѣтъ въ огнѣ!
И смолкло все, укрошено смятенье...
Пророкъ не даромъ ждалъ;
Вотъ вѣетъ тонкій хладъ, — и въ тайномъ дуновеньѣ
Онъ Бога угадалъ.

* * *

Опять надвинулись томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ,
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.
Не объ утраченныхъ: о нѣтъ, они вернутся, —
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигомъ вѣчности тяжелые года.
Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни.
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

ОТШЕДШИМЪ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.
Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и блѣднѣетъ
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.
Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.
Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни данъ всю до конца отдамъ,
Вы въявь откроете обитель примиренья,
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

ТРИ СВИДАНЬЯ.

I.

Заранѣе надъ смертью торжествуя,
И цѣпь временъ любовью одолѣвъ,

Подруга вѣчная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напѣвъ!
Не вѣруя обманчивому міру,
Подъ грубою корою вещества
Я осязалъ нетлѣнную порфиру,
Я узнавалъ сіянье Божества.

И въ первый разъ, — о какъ давно то было!
Тому минуло тридцать шесть годовъ,
Какъ дѣтская душа неожиданно ощутила
Тоску любви съ тревогой смутныхъ сновъ.
Мнѣ девять лѣтъ; она... ей девять тоже,
„Быль майскій день въ Москвѣ“, какъ молвилъ Фетъ.
Признался я... Молчаніе! О Боже!
Соперникъ есть! А! онъ мнѣ дастъ отвѣтъ!...
Дуэль, дуэль! Обѣдня въ Вознесенье...
Душа кипить въ потокѣ страстныхъ мукъ...
Житейскія... Оставивъ... Попеченья...
Тянулся, замиралъ и замеръ звукъ...
Алтарь открыть?... Но гдѣ жъ священникъ, дьяконъ,
И гдѣ толпа молящихся людей?
Страстей потокъ — мгновенно вдругъ изсякъ онъ!
Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.
Пронизана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
Стояла Ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.
И дѣтская любовь чужой мнѣ стала,
Душа моя къ житейскому слѣпа...

II.

Забуду-ль васъ, блаженные полъ года?
Не признаки минутной красоты,
Не быть людей, не страсти, не природа, —
Всея, всей душой одна владѣла Ты.
Пусть тамъ снуютъ людскіе мірады

Подъ грохотъ огнедышащихъ машинъ,
Пусть жидутся бездушныя громады, —
Святая тишина, я здѣсь одинъ.
И вѣрьте иль не вѣрьте, — видитъ Богъ,
Что тайныя мнѣ силы выбирали
Все, что о Ней читать я только могъ.

III.

И долго я лежалъ въ дремотѣ жуткой.
И вотъ повѣяло: „Усни, мой бѣдный другъ.“
И я уснулъ. Когда жъ проснулся чутко, —
Дышали розами земля и неба кругъ.
И въ пурпурѣ небеснаго блистая
Очами, полными лазурнаго огня,
Глядѣла Ты, какъ первое сянье
Всемирнаго и творческаго дня.
Что есть, что было, что грядетъ во вѣки, —
Все обнялъ тутъ одинъ недвижный взоръ.
Синѣютъ подо мной моря и рѣки,
И дальній лѣсъ, и выси снѣжныхъ горъ.
Все видѣлъ я, и все одно лишь было:
Одинъ лишь образъ женской красоты!
Безмѣрное въ его размѣрѣ входило...
Передо мной, во мнѣ — одна лишь Ты.

БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Сколько ихъ расцвѣтало недавно, —
Словно бѣлое море въ лѣсу!
Теплый вѣтеръ качалъ ихъ такъ плавно
И берегъ молодую красу.

Отцвѣтаетъ она, отцвѣтаетъ,
Потемнѣлъ бѣлоснѣжный вѣнокъ,
И какъ будто весь міръ увядаетъ...
Средь гробовъ я стою одинокъ.

„Мы живемъ — Твои бѣлыя думы
„У завѣтныхъ тропинокъ души,
„Бродишь ты по дорогѣ угрюмой,
„Мы недвижно сіяемъ въ тиши!

„Насъ не вѣтеръ берегъ прихотливый,
„Мы тебя сберегли бы отъ вьюгъ.
„Къ намъ скорѣй черезъ западъ дождливый,
„Для тебя мы — безоблачный югъ,

„Если-жъ взоры туманъ закрываетъ,
„Иль зловѣщій послышался громъ —
„Наше сердце цвѣтеть и вздыхаетъ
„Приходи — и узнаешь о чемъ!“

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.

(1866 г.)

SACRA FAMES.

Мудрость нудить: „Сытость иль свобода.“
Жизнь ей прекословить: „Сытость иль неволя.“
Упреждаетъ чудо пламенная Воля;
Но изъ темной жизни слабымъ иѣтъ исхода.
Мудрость возвѣщаетъ, что любовь — Алканье.
Жизнь смѣется: „Голодь — ненависть и злоба...“
И маячитъ Слова нищее сверканье
Межъ даянемъ хлѣба и зяньемъ гроба.

НЕОТЛУЧНЫЕ.

Чѣмъ устремительнѣй живу
И глубже въ темный долъ пройденный путь
нисходитъ,
Тѣмъ притягательнѣй очей съ меня не сводить
Былое... не жилъ я, — лишь грезилъ на яву.
— „Мы жили“, кладбище мнѣ шепчетъ вслѣдъ: „бѣги“,
Отъ насъ не убѣжишь. Ты грезилъ сны: мы — жили...
— Стремился мимо ты: мы скрытно сторожили
Твои шаги.
— Отраву нашихъ слезъ ты пилъ изъ пирныхъ
чашъ...
— Ты насъ похоронилъ: разрыли мы могилы...
— Мы спутники твои. Тебѣ мы были милы.
Навѣкъ ты нашъ.
— Мы не туманъ: узнай отринутыхъ тѣней
Изъ превзойденныхъ безднъ простертыя объятъя...

- Не шёлестъ осени у ногъ твоихъ: заклѣтъя
Поблекшихъ дней,
- Я руку протянулъ тебѣ: ты былъ далече...
- Я оттолкнулъ тебя отъ срыва: грезилъ ты...
- Другъ друга ждали мы; ты не узналъ при
встрѣчѣ
Своей мечты.
- Меня ты уронилъ въ разымчивой метели:
Живая я сошла въ медлительный сугробъ...
- Ты пѣлъ, меня сложивъ въ глубокой узкой гробъ,
О колыбели.

FATA MORGANA.

Такъ долго съ пророческимъ медомъ
Мѣшалъ я земную полынь,
Что вѣрю деревьямъ и водамъ
Въ отчаяніи рдяныхъ пустынь,
Всѣмъ зеркальнымъ фатаморганамъ,
Всѣмъ былямъ воздушныхъ Сиренъ,
Земли путеводнымъ обманамъ
И правдѣ небесныхъ измѣнъ.

MIFUR LE SERPI AMICHE.

Dante, Inf. XXV, 4.
Валерію Брюсову,

Ужъ я топчу верховный снѣгъ
Алмазной дѣвственной пустыни
Подъ синюю траурной святыни;
Ты въ знойной мглѣ, гдѣ духъ полыни,
Сбираешь яды горькихъ нѣгъ.

Въ безплотный облакъ и въ эфиръ
Глубокой міръ внизу истаялъ...
А ты — себя еще не чаялъ
И вѣщей пыткой не изваялъ
Свой окончательный кумиръ.

Какъ День, ты новой мукой молодъ;
Какъ Ночь, стара моя печаль.
И я извѣдалъ горна голодъ,
И на меня свергался молотъ
Предъ тѣмъ, какъ въ отрѣшенный холодъ
Крестилась дышащая сталь,

И я былъ рабъ въ узлахъ змѣи,
И въ корчахъ звалъ клеймо укуса:
Но огонь послѣдняго искуса
Заключалъ, и солнцемъ Эммауса
Озолотились дни мои.

Дуга Страдальной Красоты
Тебя ведетъ чрезъ преступленья.
Еще, еще преодоленны,
Еще смертельное томленья,
И вотъ — изъ безднъ восходишь ты!

СТИХЪ О СВЯТОЙ ГОРѢ.

Трудна работа Господня.
Слова Вл. Соловьева на смертномъ одрѣ.

Ты святися, наша мати — Земля Святорусская!
На твоёмъ ли престолѣ великомъ,
На твоёмъ ли раздолѣи широкомъ,
Что промежъ Студенаго моря и Теплаго,
За тѣми лѣсами высокими,
За тѣми озерами глубокими,
Стоитъ гора до поднебесья.
Ужъ и къ той ли горѣ дороги неѣзжены,
И тропы къ горѣ неторены,
А и конному пути заказаны,
И пѣшему заповѣданы;
А и Господь ли кому тѣ пути открылъ —
И того слѣды не слѣжены.

Какъ на той горѣ свѣтловерхой
Труждаются святыя угодники,
Подвизаются вѣрные подвижники,
Ставятъ церковь соборную, богомольную;
А числомъ угодники нечислены,
Честнымъ именемъ подвижники неявлены,
Неявлены — неизглаголены.
И строячи ту церковь нагорную,
Тѣ ли угодники Божіи, подвижники,
Что сами творятъ, не видятъ; не вѣдаютъ,
Незримое зиждутъ благолѣпіе.
А и камень тешутъ — оно бѣлѣется,
А и камень складаютъ — оно не видится.
А стѣны-ль кладутъ, аль подстѣны,
Аль столпы ставятъ опорныя,
Аль своды сводятъ свѣтлосѣнныя,
Али главы кроютъ зарныя, червонныя,
Аль честныя пишутъ образы со писаніи, —
И то угодники вѣдаютъ, не видючи,
И того мы, людіе, не вѣдаемъ.
Какъ приходитъ на гору Царица Небесная,
Ей возропшутся угодники всѣ, восплачутся:
„Гой еси Ты, Матерь Пречистая!
Мы почто, почто труждаемся — подвизаемся
Зодчествомъ, краснымъ художествомъ
Въ терпѣніи и во упованіи,
А что творимъ — не видимъ, не вѣдаемъ,
Незримое зиждемъ благолѣпіе.
Ты яви міру церковь невиданную,
Ты яви міру церковь заповѣданную!“
Имъ возговоритъ Царица Небесная:
— „Ужъ вы Богу присныя угодники,
А міру вы славныя свѣтильники,
О святой Руси умильные печальники!
Вы труждайтесь, подвизайтесь,
Красы-славы для церкви незримыя,
Зодчествомъ, краснымъ художествомъ,

Въ терпѣннi вѣрномъ, во упованi!
А времянъ Божiихъ не пытайте,
Не искушайте — не вывѣдывайте.
Какъ сама Я, той годиною пресвѣтлою,
Какъ сама Я, Мати, во храмъ сойду:
Просвѣтитсѧ гора поднебесная,
И явитсѧ на ней церковь созданная,
Вамъ въ обрадованiе и во оправданiе,
И Руси великой во освященiе,
И всему мiру Божьему во осiяние“.
Тутъ Ей Божiи угодники поклонилисѧ;
— Слава Тебѣ, Матерь Пречистая!
Ужъ утѣшно Ты трудничковъ утѣшила,
Чѣо надежнѣо смиренныхъ обнадежила;
Инъ по слову Твоему святому да сбудетсѧ!“
А поетсѧ стихъ во славу Божiю,
Добрымъ людямъ въ послушанiе,
Во умиленiе и во упованiе.

О С Е Н Ь Ю.

Роци холмъ, багрецомъ испещренный
Синiя, хмурья горы вдали...
Въ желтой глуши на шипы изощренные
Дикiе вьются хмели.

Лучъ кочевой серебромъ загорается...
Словно въ гробу, остывая, земля
Пышною скорбию солнцъ убирается...
Стройно дрожать тополя.

Вѣтра порывы... Безмолвiя звонкiя...
Катитсѧ бѣлымъ забвеньемъ рѣка...
Ты повилики закинула тонкiя
Въ чуткiе сны тростника.

НА РОДИНЪ.

Посостарилось злато червонное,
Посмуглѣло на главахъ старыхъ!
Сердце сладко горитъ, полоненное,
Въ колыбельныхъ, негаснущихъ чарахъ...
Сердце кротко, счастливое, молится,
Словно встарь, въ золотой божницѣ...
Вольное-ль вновь приневолится
Къ родимой темницѣ?

* * *

Осень... Чуть солнце надъ лѣсомъ привстанеть,
Киноварь вспыхнетъ, зардѣетъ баgreць,
По вѣтру гарью сладимой потянетъ...
Свѣтлый проглянегъ изъ облакъ борець: —
Озимь живая, — хмурая ель, —
Стлань парчевая — бурая прѣль...
Солнце въ недолгомъ бореньи стомится —
Кто-то туманы прядетъ, да прядетъ,
Боромъ маячить, болотомъ дымится,
Логомъ струится, лугомъ бредетъ,
По перелѣсьямъ пугаетъ коня,
Темнымъ безвѣстьемъ маеть, стена.

* * *

Обнищало листье златое.
Проскользило въ сѣняхъ осеннихъ
Ясной синью тихое небо.
Стала тонкоствольная роща
Изсѣченной церковью изъ камня,
Дымъ повисъ межъ бѣлыми столпами.
Надъ дверьми — сквозныхъ узороцій
Завѣсы, — что рыбарей Господнихъ
Неводы, разорванные ловомъ, —
Что твои священныя лохмотья
У преддверій бѣлаго храма,
Золотая, нищая пѣсня!

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Надъ опаловымъ востокомъ
Въ легионѣ свѣтлоокомъ
Блещетъ вѣстница зари.
Раннихъ пастырей отрада,
Утра близкаго лампада,
Благовѣстная, гори!

Зеленѣются поляны;
Зачернѣлась сквозь туманы
Нови крайней полоса.
Звѣзды теплятся далече,
Дня сіяющей предтечѣ,
Уступая небеса...

Надъ шафрановымъ востокомъ,
Въ небѣ легкомъ и далекомъ,
Гаснетъ спутница зари.
Угасай, лилея неба!
Ты же вождь крылатый Феба,
Алымъ полымемъ гори!

Вспыхни, солнце! Богъ, воскресни!
Ярче жаворонка пѣсни
Лейтесь въ золото небесъ!
День грядетъ, Аврора блещетъ, —
И твой тихій лучъ трепещетъ,
И твой блѣдный ликъ — исчезъ...

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Дочь лѣсника незабудки рвала въ осокѣ
Въ Троицынъ день;
Вѣночки плела надъ рѣкой и купалась въ рѣкѣ
Въ Троицынъ день;
И блѣдной русалкой всплыла въ бирюзовомъ вѣнкѣ.

Гулко топоръ застучалъ по застѣкѣ лѣсной
 Въ Троицынъ день ;
 Лѣсникъ съ топоромъ выходилъ за смолистой сосной
 Въ Троицынъ день ;
 Тоскуеть и тужить, и тешеть онъ гробъ смоляной.
 Свѣчка въ свѣтлицѣ средь темнаго лѣса блестить
 Въ Троицынъ день ;
 Подъ образомъ блеклый вѣночекъ надъ мертвой гру-
 стить
 Въ Троицынъ день ;
 Боръ шепчется глухо. Рѣка въ осокѣ шелестить ...

ТРАМОНТАНА.

Если влажный воздухъ густъ
 Надъ поморіемъ счастливымъ,
 Надъ лѣнивымъ, горделивымъ, —
 Дхну я буйнымъ острымъ хладомъ
 Изъ тѣснинныхъ гулкихъ усть ;
 Я низвергну съ по оливоамъ
 Свѣтлосклоннымъ водопадомъ,
 Синеву неся заливамъ,
 Расчищая небеса ;
 Взвѣю вѣяньемъ гульливимъ
 Надъ раздольемъ волнъ измятыхъ,
 Всклочу зыбь руномъ мохнатымъ...
 Пройте, сосенъ голоса,
 По утесамъ оснѣженнымъ
 Надъ полуднемъ остуженнымъ !
 Накреняйтесь паруса !

ВЫЗЫВАНЬЕ ВАКХА.

Чароваль я, волховаль я,
 Бога-Вакха зазываль я
 На рѣчныя быстрины,
 Въ чернолѣсье, въ густосмолье,
 Въ изобилъе, въ пустоодолье,

На морскіе валуны.
Колдовалъ я, волховалъ я,
Бога-Вакха вызывалъ я
На распутія дорогъ,
Въ часъ заклятый, часъ Гекаты,
Въ полдень, чарами зачатый ;
Быль невидимъ близкій богъ.
Снова звалъ я, призывалъ я,
Къ богу-Вакху воззывалъ я :
„Ты, незримый, здѣсь со мной!
Что же ликъ полдневный кроешь ?
Сердце тайной безпокоишь ?
Что таишь свой ликъ ночной ?
„Умились надъ злой кручиной,
Подъ любой явись личиной,
Въ струйной влагѣ, иль въ огнѣ;
Иль, какъ отрокъ запоздалый,
Взоръ узывный, взоръ усталый
Обрати въ ночи ко мнѣ.
„Я ль тебя не поджидаю
И, любя, не угадаю
Винныхъ глазъ твоихъ свирѣль ?
Я ль въ дверяхъ тебя не встрѣчу
И на зовъ твой не отвѣчу
Дерзновеньемъ въ ночь и хмель ?..“
Обликъ стройный у порога...
Въ сердцѣ сладость и тревога...
Нѣтъ дыханья... свѣта нѣтъ...
Полу-отрокъ, полу-птица...
Подъ бровями тучъ зарница
Зыблетъ тусклый пересвѣтъ...
Демонъ зла иль небожитель,
Дѣлитъ онъ мою обитель,
Клювомъ грудь мою клюетъ,
Плоть кровавую бросаетъ...
Сердце таетъ, воскресаетъ,
Алый ключъ ліетъ, ліетъ...

САДЪ РОЗЪ.

Въ полдень жадно-воспаленный,
Въ изнеможеньѣ страстныхъ розъ,
Изобильемъ утомленный
Въ огражденьѣ властныхъ розъ,
Я вдыхаю зной отравный
Благовонной тѣсноты.
„Гдѣ“, вздыхаю, „ты, дубравный?“
И тоскую: „гдѣ же ты?“
Легконогий, одичалый,
Ты примчись изъ тѣмныхъ пущъ!
Входятъ боги въ садъ мой алый,
Въ душный рай утомныхъ кущъ.
Взрой луга мои копытомъ,
Возмути мои ключи!
Въ двѣтникѣ моемъ укрытомъ
Пчелы рѣютъ и въ ночи.
Золотыя рѣютъ пчелы
Надъ кострами рдяныхъ розъ.
Млѣютъ нарды. Бьютъ Пактолы.
Зрѣютъ гроздья пьяныхъ лозъ
Каплютъ звонъ изъ урнъ Наяды
Межъ лазурныхъ зеленей...
Занеси въ мои услады
Запахъ лога и корней, —
Духъ полынный, вялость прѣли,
Смольный духъ опалыхъ хвой,
И пустынный вопль свирѣли,
И Дриады шалой вой!
Узы яркія плету я —
Плѣны стройныхъ, жаркихъ бедръ
Розы красныя стелю я —
Искушеній страстныхъ одръ.
Здѣсь, пугливый, здѣсь блаженный,
Будешь, плѣнный, ты бродить,
И вокругъ, въ тоскѣ священной,
Око дикое водить, —

Что земля и лѣсъ пророчить,
Ключъ рокочетъ, лепеча, —
Что въ пещерѣ густотѣнной
Сестры пряли у ключа.

ГОСТЬ.

Придетъ въ ночи обманной,
Какъ тать, на твой порогъ
И въ дверь скользнетъ желанный,
Когда ты не стерегъ.
Съ распутія дорогъ
Придетъ на твой порогъ
Нечаянно желанный.
Предстанетъ недвижимъ ;
Безмолвный, въ очи глянетъ.
Съ небывшимъ и былымъ
Недвижно время станетъ...
И сердце канетъ, — прянетъ...
И вскружитъ, и потянетъ
Круженьемъ вихревымъ
Невидимая сила
Тебя съ землей и съ нимъ.
Разверзнется могила,
Разстелется, какъ дымъ.
И мракомъ гробовымъ
Застелется, что было...
И все душа забыла,
Чтобъ встать живой съ живымъ!

ЖЕРТВА.

Когда двухъ воль возносятся окрыленья
Единый стонъ,
И снится двумъ, въ юдоли Раздѣленья,
Единый сонъ, —
Двумъ алчущимъ — надъ звѣздами Разлуки
Единый ликъ, —

Коль изъ двухъ душъ исторгся смертной муки
Единый крикъ:
Се, Онъ воскресъ! — въ ихъ жертвенныя слезы
Глядитъ заря,..
Се въ мирть одѣтъ и въ утреннія розы
Гробъ алтаря...
Свершилась двухъ недостижимыхъ встрѣча,
И дольний плѣнь,
Твой плѣнь, любовь, одной Любви предтеча,
Преодолѣнь!
О, Кана душъ! О, въ гробъ разлученья —
Слѣянье двухъ!
Но къ алтарямъ горящимъ отреченья
Зоветь васъ духъ!
На подвигъ Вамъ божественнаго дара
Вся мощь дана:
Обрѣтшіе! вселенскаго пожара
Вы-сѣмена.
Даръ золотой въ Его бросайте море —
Своихъ колець:
Онъ сохранить въ пурпуровомъ просторѣ
Залогъ сердець...
Вы плачете? Мужайтесь совлечься
Тяжелыхъ тучъ!
Гроза грядетъ... О, радуйтесь облечься
Въ единый лучъ!

ПОХОРОНЫ.

Всѣхъ похоронъ печальнѣй,
О други, погребенье
Любви нераздѣленной.
Троихъ душа хоронить:
Возлюбленную душу,
И съ ней — себя иную
И въ пламень погребальный
Живымъ восходить третій —

Съ ярмомъ на крыльяхъ, отрокъ;
Его жъ уста влюбленныхъ
Зовуть въ лобзаньяхъ: Эросъ,
А боги: Воскреситель.

ПЕЧАЛЬ ПОЛДНЯ.

Я — Полдня вѣщаго крылатая Печаль.
Я грезой нисхожу къ видѣньямъ соннымъ Пана:
И отлетѣвшаго ему чего-то жаль,
И безотзывное — въ Элизіи тумана.
Я, похоронною лазурью осіянна,
Шепчу въ безмолвіи, что совершилась даль.
Я — Полдня бѣлаго небесная Печаль,
Я — исполненія глубокаго Осанна.
Изъ золотыхъ котловъ торжественной рѣкой
Я знойныхъ чаръ лию серебряные сплавы
На моря синяго струящейся покой,
На снѣжной вѣчности сверкающія главы,
На красныя скалы, гдѣ солнечныя славы
Слагаешь ты, поэтъ, пронзенъ моей тоской.

КОЧЕВНИКИ КРАСОТЫ.

Кочевники Красоты
- Вы художники
„Пламенники“.

Вамъ — пращуровъ деревья
И кладбищъ тѣснота!
Намъ вольныя кочевья
Судила Красота.

Вседневная измѣна,
Вседневный новый станъ:
Безвыходнаго плѣна
Блуждающій обманъ.

О, вѣрьте далѣй чуду
И сказкѣ всѣхъ завѣсь,

Всѣхъ весень изумруду,
Всей широтѣ небесъ.

Художники, пасите
Грезъ вашихъ табуны;
Минуя, всколосите —
И киньте — цѣлины!

И съ вашего раздолья
Низриньтесь вихремъ орды
На нивы подневолья,
Гдѣ рабъ упрягомъ горды.

Топчи ихъ рай, Аттила, —
И новью пустоты
Взойдутъ твои свѣтила,
Твоихъ степей цвѣты!

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

(1880.)

ВОСПОМИНАНІЕ.

Декабрь.. сугробы на дворѣ ...
Я помню васъ и ваши рѣчи;
Я помню въ снѣжномъ серебрѣ
Стыдливо дрогнувшія плечи.
Въ марсельскихъ бѣлыхъ кружевахъ
Вы замечались у портьеры:
Кругомъ на низенькихъ софахъ
Почтительные кавалеры.
Лакей разноситъ пряный чай...
Играетъ кто-то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мнѣ взглядъ, исполненный печали
И мягко вытянулись, вся —
Воображенье, вдохновенье, —
Въ моихъ мечтаньяхъ воскреся
Невыразимая томленья;
И чистая межъ нами связь
Подъ звуки гайдновскихъ мелодій
Рождалась... Но вашъ мужъ, косясь,
Свой бакенъ теребилъ въ проходѣ...
Одинъ — въ потокѣ снѣговомъ...
Но рѣетъ надъ душою бѣдной
Воспоминаніе о томъ,
Что пролетѣло такъ безслѣдно.

НА УЛИЦѢ.

Пронзительный хохотъ пролетки
На мерзлой гремитъ мостовой.

Прижался къ желѣзной рѣшеткѣ,
Прижался поникъ головой.
Ужъ вихри въ нахмуренной тверди
Волокна ненастныхъ вьютъ.
И клены въ чугуныя жерди
Багряными листьями бьютъ.
На сѣрый безчувственный камень,
Лишь стужей октябрьской пахнетъ,
Кустарникъ червоный свой пламень,
Какъ слезы застывшія льетъ.
Сшибаются, пляшутъ, закрыли
Окрестности съ воплемъ мольбы —
Холодной отравленной пыли
Взлетаютъ сухіе столбы.
Сквозь пыльные желтые клубы
Бѣгу распутивши свой зонть
И дымомъ фабричныя трубы
Плюютъ въ огневой горизонтъ.

ВЪ Ч Н Ы Й З О В Ъ .

II

Проповѣдуя скорый конецъ
я предсталъ, словно новый Христось,
возложивши терновый вѣнецъ
разукрашенный пламенемъ розъ.
Въ небѣ гасъ золотистый пожаръ,
я смѣялся фонарнымъ огнямъ.
Запрудивъ вокругъ меня тротуаръ,
удивленно внимали рѣчамъ.
Хохотали они надо мной,
надъ безумно смѣшнымъ лжехристомъ.
Капля крови огнистой слезой
застывала, дрожа надъ челомъ.
Громъ пролетовъ, и крики, и стукъ,

ходъ безшумный резиновыхъ шинъ...
Липкой грязью окаченный вдругъ,
поблѣднѣвшій утихъ арлекинъ.
Яркогазовымъ залить лучомъ,
я поникъ зарыдавъ, какъ дитя.
Потащили въ смирительный домъ,
погоняя пинками меня.

В Ъ С Т Н И К И.

Въ безысходности нивъ
Онѣмѣлый овесъ
Дремлетъ, колось склонивъ,
Средь несбыточныхъ грезъ...
Тишину возмутивъ,
Вѣсть безумно пронесъ
Золотой переливъ
Что идетъ къ намъ Христось.
Закивалъ, возопивъ,
Изступленный овесъ.
Тихій звонъ. Сельскій храмъ
Полонъ ропота, слезъ.
Не внимая мольбамъ
Голось полный угрозъ,
Все твердить: „Горе вамъ!“
Кто-то свѣчи принесъ,
И сказалъ бѣднякамъ:
„Вотъ Спаситель — Христось
Приближается къ намъ“...
Среди вздоховъ и слезъ
Потянулись къ дверямъ.

ЗАБОТА.

Весь день не стихала работа.
Свозили пшеницу и рожь.
Безумная въ сердцѣ забота
Бросала то въ холодъ, то въ дрожь,

Опять съ несказаннымъ волненьемъ
Я ждалъ появленья Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпѣньемъ
Старинная эта мечта.
Недавно мнѣ тайно сказали,
Что скоро вернется Христось...
Телѣги, скрипя, подѣзжали...
Поспѣшно свозили овесь.
Съ гумна возвращался я къ дому,
Смотря равнодушно на нихъ,
Грызая золотую солому,
Духовный цитируя стихъ.
Сегодня раздался вдругъ зовъ,
Когда я молился, тоскуя,
Средь влажныхъ, вечернихъ луговъ:
„Холодною ночью приду я...“
Смарагдовымъ свѣтомъ луна
Вдали озаряла избушки.
Призывно раздался съ гумна
Настойчивый шумъ колотушки.
„Какіе-то люди пришли“,
Сказалъ намъ пришедшій рабочій.
И вотъ съ фонарями пошли,
Воздѣвши таинственно очи.
Мы вышли на холодъ ночной..
Луна покраснѣла надъ степью
Къ намъ песь обозленный, цѣпной
Кидался, звеня своей цѣпью.
Блѣднѣли въ рукахъ фонари...
Никто намъ въ ночи не отвѣтилъ...
Кровавую ленту зари
Встрѣчалъ пробудившійся пѣтель.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМЪ.

Заброшенный домъ.
Кустарникъ колючій, но рѣдкій.
Грущу о быломъ:

Ахъ, гдѣ вы — любезные предки?
Изъ каменныхъ трещинъ торчатъ
Поросшіе мхи, какъ полипы.
Дуплистая липы
Надъ домомъ шумять.
Но листь за листомъ,
Тоскуя о нѣгѣ вчерашней
Кружится подъ тусклымъ окномъ
Разрушенной башни.
Какъ стерся изогнутый серпъ
Средь нѣжно бѣлѣющихъ лилій —
Облупленный гербъ
Дворянскихъ фамилій.
Былое, какъ дымъ —
И жалко.
Охрипшая галка
Глумится надъ горемъ моимъ.
Посмотришь въ окно —
Часы изъ фарфора съ китайцемъ.
Въ углу полотно
Съ углемъ нарисованнымъ зайцемъ.
Старинная мебель въ пыли,
Да люстры въ чехлахъ, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали
Равнины, равнины.
Среди многоверстныхъ равнинъ
Скирды золотистаго хлѣба,
И небо.
Одинъ.
Внимаешь съ тоской,
Обвѣянной жизнію давней,
Какъ шепчется вѣтеръ съ листвою,
Какъ хлопаютъ сорванной ставней.

СТАРИННЫЙ ДОМЪ.

Все спитъ въ молчаньи гулкою.
За фонаремъ фонарь

Надъ мертвымъ переулкомъ
Колеблетъ свой янтарь.

Лишь со свѣчею дама
Покажется въ окнѣ: —
И свѣтовая рама
Проходить по стѣнѣ.

Лишь дворникъ встрепенется, —
И снова головой
Надъ тумбою уткнется
Въ тулупъ бараній свой.

Желѣзная ограда;
Старинный барскій домъ;
Бѣлѣть коллонада
Надъ каменнымъ крыльцомъ.

Проходятъ въ окнахъ свѣты: —
И выступаютъ изъ мглы
Кенкеты и портреты,
И бѣлые чехлы.

Мечтательно Полина,
Въ ночномъ дезабилье,
Разбитое пьянино
Терзаетъ въ полумглѣ.

Припоминаетъ младость
Подъ нотами: „Любовь,
„Мечта, весна и сладость —
„Не возвратитесь вновь.
„Вы гдѣ, условны встрѣчи
„И вздохъ: Je t'aime, Poline...
Потрескиваютъ свѣчи,
Стекаетъ стеаринъ.

Въ полуослѣпшемъ взорѣ
Воспоминаній дымъ,
Гардемаринъ, и море,
И невозвратный Крымъ...

И нынче, какъ намедни,
У каменныхъ периль
Проходить вдоль передней,
Ища ночныхъ громиль, —

Какъ на дворѣ собаки
Тамъ дружною гурьбой
Пролаяли, — Акакій —
Лакей ея сѣдой,

Въ потертомъ, сѣромъ фракѣ,
Съ отвислою губой: —
Въ растрепанныя баки
Бормочетъ самъ съ собой.

Шушукнетъ за портретомъ,
Покажется въ окнѣ: —
И рама блѣднымъ свѣтомъ
Проходитъ по стѣнѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ВЪ ЛЮБВИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОРОГОЙ МАТЕРИ.

Сіяетъ роса на листочкахъ,
И солнце надъ прудомъ горитъ.
Красавица съ мушкой на щечкахъ,
Какъ пышная роза, сидитъ.
Любезная сердцу картина!
Вся въ бѣлыхъ сквозныхъ кружевахъ
Мечтаетъ подъ звукъ клавесина...
Горитъ въ золотистыхъ лучахъ
Подъ вешнюю лаской фортуны

И хмелью обвитый карнизъ
И стѣны. Прекрасный и юный
Предъ нею склонился маркизъ.
Въ привычно заученной роли,
Въ волнисто сѣдомъ парикѣ,
Въ лазурно-атласномъ камзолѣ,
Съ малиновой розой въ рукѣ.
„Я васъ обожаю, кузина!
Извольте цвѣтокъ сей принять...
Смѣются подъ звукъ клавесина,
И хочетъ подругу обнять.
Ужъ вдоль газоновъ росистыхъ
Туманъ блѣдно-бѣлый ползеть.
Въ волнахъ фіолетово-мглистыхъ
Луна золотая плыветъ.

О П А Л А .

Блестящія ходятъ персоны,
Повсюду фаянсъ и фарфоръ,
Расписаны нѣжно плафоны,
Музыка привѣтствуетъ съ хоръ.
А въ окнахъ для взора угодный,
Прилежно разбитый цвѣтникъ.
Въ своемъ кабинетѣ дородный
И статный сидитъ временщикъ.
Въ расшитомъ камзолѣ, при шпагѣ,
Въ андреевскомъ орденѣ онъ.
Придворный, принесшій бумаги,
Отвѣсилъ глубокой поклонъ, —
Привѣтливый, ясный, рѣчистый,
Отдавшійся важнымъ дѣламъ,
Сановникъ платочекъ душистый
Кусаетъ прижавши къ устамъ.
Докладамъ внимаетъ онъ мудро.
Вдругъ перстнемъ ударилъ о столъ.
И съ буклей посыпалась пудра

На золотомъ шитый камзолъ.
„Для васъ, государь мой, не тайна,
Что можете вы пострадать:
И вотъ я прошу чрезвычайно
Сію неисправность изъять!...“
Лицо утонуло средь кружевъ.
Кричитъ раскраснѣвшись: „ну что[жъ]!
Татищевъ, Шуваловъ, Бестужевъ —
У насъ есть не мало вельможъ —
Коль Вы неисправны, законы
Блюсти я довѣрю другимъ...
Повсюду, повсюду препоны
Моимъ начинаньямъ благимъ!...“
И гнѣвно поднявшись, отваги
Исполненный, быстро исчезъ.
Блеснулъ его перстень и шпаги,
Украшенный пышно эфесь.
Идетъ поблѣднѣвшій придворный...
Напудренный щеголь въ лорнетъ
Глядитъ — любопытный придворный:
„Что съ вами? Лица на васъ нѣтъ“..
„Въ опалѣ?.. Назначенъ Бестужевъ?“
Главу опустилъ — и молчитъ.
Вкругъ море камзоловъ и кружевъ,
Волнуясь докучно шумить.
Блестящія ходятъ персоны,
Музыка привѣтствуетъ съ хоръ,
Окраскою нѣжно плафоны
Ласкаютъ пресыщенный взоръ.

ПОПОВНА.

Свѣжѣть. Часъ условный.
Съ полей пошелъ народъ
Вся въ розовомъ поповна
Идетъ на огородъ.

Какъ пава, величава.
Опущенъ шелкъ рѣсниць.
Надѣво и направо
Все пугала для птицъ.

Жеманница срываетъ,
То злакъ, то василекъ.
Идетъ надъ ней порхаеъ
Капустный мотылекъ.

Надъ пыльною листвою,
Наряденъ, вымытъ, чистъ,—
Коломенской верстою
Торчитъ семинаристъ.

Прекрасная поповна, —
Прекрасная, какъ сонъ,
Молчить, — зардѣлась, словно
Весенній цвѣтъ піонъ.

Молчить. Подъ трель лягушекъ
Ей сладко, сладко млѣтъ.
На ликъ золотыхъ веснушекъ
Загаръ рассыпалъ сѣтъ.

Кругомъ моркови, рѣпы.
Выходятъ на лужокъ,
Танцуютъ курослѣпы.
Играеъ вѣтерокъ.

Вдали надъ косарями
Огни зари горятъ.
А косы лезвіями —
Горятъ, поютъ, свистятъ.

Тамъ рядъ избенокъ вьется
Въ косматую синѣль.

Поскрипывая гнется
Космáтый журавель.

Не терпится кокеткѣ.
(Семь бѣдъ одинъ отвѣтъ):
Пришпилила къ жилеткѣ
Ему ромашкинъ цвѣтъ.

А онъ! „Домой бы, Маша,
Чтобъ не хватились насъ
Папаша и мамаша.
Домой бы, поздній часъ.“

Но розовыя юбки
Расправила. Въ отвѣтъ
Онъ ей цѣлуетъ губки,
Сжимаетъ ей корсетъ.

Предавшись сладкимъ мукамъ
Прохладнымъ вечеркомъ,
Въ лицо ей дышетъ лукомъ
И крѣпкимъ табакомъ.

Прохлада нѣжно дышетъ
Въ напѣвахъ косарей.
Не видитъ ихъ, не слышитъ,
Отецъ протоіерей.

Въ подрясникѣ холщевомъ
Прижался онъ къ окну:
Коритъ жестокимъ словомъ
Покорную жену:

„Опять ушла отъ дѣла
Гулять родная дочь.
Опять не доглядѣла!“
И смотритъ, смотритъ въ ночь.

И видитъ сквозь орѣшникъ
Въ вечернѣй чистотѣ
Лишь небо да скворешникъ
На согнутомъ шестѣ:

Съ дебелой попадьей
Всю ночь бранится онъ,
Летучею струею
Зарницы освѣтлень.

Всю ночь кладетъ поклоны
Сѣдая попадьа,
И темныя иконы
Златить уже заря.

Близъ рѣчки ставятъ верши
Въ туманныхъ камышахъ,
Да меркнетъ серпъ умершій,
Висящій въ облачкахъ,

Б Е З У М Е Ц Ъ .

Здѣсь безумецъ живетъ
Среди бѣлыхъ сиреней.
На террасу ведетъ
Грядъ ступеней.
За ограду на весь
Прогуляться безумецъ не воленъ...
Да, ты здѣсь!
Да, ты боленъ!...
Втихомолку, смѣшной
Кто-то вышелъ въ больничномъ халатѣ;
Самъ не свой,
Говоритъ на закатѣ.
Грусть вездѣ...
Усмиранный, хорошій,
Пробираясь къ водѣ,
Бьетъ въ ладоши.

Что ты ждешь у рѣки,
Еле слышно колебля
Тростники,
Горькихъ пѣсенъ зеленого стебля?
Что въ зеркальность глядясь,
Бьешь въ усталую грудь ты тюльпаномъ?
Всплескъ, круги... И смѣясь,
Утопаетъ, закрытый туманомъ.
Лишь тюльпанъ межъ осоки лежить,
Весь измятый, весь алый.
Изъ больницы служитель бѣжитъ
И кричить, торопясь, запоздалый.

КРОТКІЙ ОТДЫХЪ.

Л. Д. БЛОКЪ.

Я израненъ въ неравномъ бою.
День мой труденъ и горекъ.
День пройдетъ. Я тебя узнаю
Въ ласкѣ тающихъ зорекъ.
Отъ докучныхъ вопросовъ толпы
Я въ поля ухожу безъ отвѣта.
На поляхъ — золотые снопы
Беззакатнаго свѣта.
Свѣжимъ вѣтромъ, въ лицо мнѣ смѣясь,
Ты плеснула — и весель.
Чистый дождикъ въ лазури, искрясь,
Золотистыя сѣти развѣсилъ.
И опять никого. Только лугъ
Тихо дремлетъ въ сѣдой паутинѣ.
Только блѣдно сіяющій кругъ
Въ безответности синей.

РОДИНА.

Тѣ же росы, откосы, туманы,
Надъ бурьянами рдяный восходъ,

Холодѣющій шелестъ поляны,
Голодающій бѣдный народъ;
И въ раздолѣѣ, на волѣ — неволя;
И суровый свинцовый нашъ край
Намъ бросаетъ съ холоднаго поля —
Посылаетъ намъ крикъ: „Умирай —
Какъ всѣ умирають“... Не дышишь,
Смертоносныхъ не слышишь угрозы: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданій и жалобъ и слезъ.
Тѣ же возгласы вѣтеръ доносить;
Тѣ же стаи насытыхъ смертей
Надъ откосами косами косятъ,
Надъ откосами косятъ людей.
Роковая страна, ледяная,
Проклятая желѣзной судьбой —
Мать Россія, о родина злая,
Кто же такъ подшутилъ надъ тобой?

ИЗЪ ОКНА ВАГОНА.

Поѣздъ плачется. Въ дали родныя.
Телеграфная тянется сѣть.
Пролетають поля росяныя.
Пролетають въ поля: умереть.
Пролетають: такъ пусто, такъ голо...
Пролетають — вонь тамъ и вонь здѣсь —
Пролетають — за селами села,
Пролетають — за весями весь;
И кабакъ, и погостъ, и ребенокъ,
Засыпающій тамъ у грудей: —
Тамъ — убогія стаи избенокъ,
Тамъ — убогія стаи людей.
Мать Россія! Тебѣ мои пѣсни, —
О, нѣмая, суровая мать!
Здѣсь и глуше мнѣ дай, и безвѣстнѣй

Непутевую жизнь отрыдать.
Поѣздъ плачѣтся. Дали родныя.
Телеграфная тянется сѣть —
Тамъ въ пространства твои ледяныя
Съ буреломомъ осеннимъ гудѣть.

Б Ъ Г С Т В О .

Шоссейная вѣется дорога.
По ней я украдкой пошелъ.
Вонъ мертвыя стѣны острога,
Высокій, слѣпой частоколь.

А вѣтеръ обшарить кустарникъ.
Просвистнеть вдогонку за мной.
Колючій, колючій татарникъ
Протреплеть рукой ледяной.

Тоскливо, провьется по полю;
Такъ сиверко въ уши поетъ.
И сердце прославить неволю
Пространствъ и холодныхъ высотъ.

Я помню: поймали, прогнали —
Вдоль улицъ прогнали на судъ.
Босые мальчишки кричали:
„Ведутъ — арестанта, ведутъ“.

Усталыя ноги ослабли,
Запутались въ старый халатъ.
Качались блиставшія сабли
Угрюмо молчавшихъ солдатъ;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухія столбы,
Кидались на бритыя щеки
На мертвые, блѣдные лбы.

Какъ шли переулкомъ горбатымъ,
Глядѣль, пробѣгая, въ песокъ
Знакомый лицомъ виноватымъ,
Надвинувъ на лобъ котелокъ.

Въ тюрьму засадили. Я днями
Лежалъ и глядѣль въ потолокъ...
Темнѣть. Засыпанъ огнями
За мной вдалекѣ городокъ.

Ночь кинулась птицею черной
На отсвѣты зорь золотыхъ.
Песчаника круглыя зерна
Зіяють на нивахъ пустыхъ.

Я тѣнью ночной завернулся.
На землю сырую палъ ницъ.
Безжизненно въ небо уткнулся
Церковный, серебряный шпигъ.

И ветель старинныя палки;
И галки, — вонъ тамъ и вонъ здѣсь;
Подгорныя, длинныя балки:
Пустынная, торная весь.

Сердитая черная туча.
Тревожная мысль о быломъ,
Камней придорожная куча,
Покрытая бѣлымъ крестомъ.

Съ цыгѣркой въ зубахъ среди колець
Табачныхъ въ просторѣ равнинъ,
Надъ нею склонилъ богомолецъ
Клоки посѣдѣвшихъ сѣдинъ.

Россія, увидишь и любишь,
Твой злой полевой небосклонъ,

„Зачѣмъ ты, безумная, губишь“ —
Гармоники жалобный стонъ;

Какъ смотрится въ душу сурово
Мнѣ снова багровая даль,
Страна моя хмурая, снова
Тебя ли я вижу, тебя-ль?

Но слышу, бездомный скиталець,
Погони далекую рысь,
Какъ въ даляхъ шлагбаумъ свой палець
Приподнялъ въ холодную высь.

КАЛѢКА.

I.

Я сталъ похожъ на паука,
Ползу — влекутся ноги — плети.
Тамъ подъ кустомъ издалика
За мной слѣдятъ въ испугѣ дѣти.

Какъ ночь — глаза. Какъ воскъ — чело.
На сердцѣ ядъ отравы острый.
Такъ глухо стучаетъ въ дупло
Надъ головою дятель пестрый.

Такъ воленъ утокъ дикій летъ
Надъ что-то шепчущей березой.
На костыляхъ ползу — мой ротъ
Кривить безсильная угроза.

Пусть въ вольныхъ даляхъ вѣтерокъ
Взметаеть прахъ на перекресткахъ —
Безцѣльно плещеть мотылекъ
На кружевныхъ, сребристыхъ блесткахъ.

Я сталъ похожъ на паука,
Ползу — костыль мнѣ вздернулъ плечи.
Ко мнѣ летятъ издалека
Дѣтей испуганныя рѣчи.

II.

А. Т. КОВАЛЕНСКОЙ.

Моей невѣстой ты цвѣла,
И былъ женихъ красивъ и молодъ.
Теперь: въ очахъ потухшихъ — мгла,
Въ улыбкѣ устъ безумныхъ холодъ.

Дитя, я радъ: полей и рощъ
Родные виды вновь воскресли,
Въ весенній вечеръ, слабъ и тощъ,
Сижу — дремлю въ спокойномъ креслѣ.

Ловлю твой взоръ, дитя, дитя;
Вотъ кисти рукъ — изящныхъ лилій —
Вотъ шелкъ кудрей, цвѣтя, блестя,
Снопы лучей озолотили.

Вложила ты, глядя сквозь боль,
Какъ облака плывутъ скитальцы,
Цвѣтокъ весны — желтофіоль —
Въ мои трясущіеся пальцы.

Вдругъ ты сказала: „Страшно мнѣ:
„Тамъ, гдѣ вѣтвей скрестились дуги,
„Паукъ-крестовикъ въ вышинѣ
„Повисъ на серебряномъ кругѣ“.

Молчу. Горитъ душа, горитъ,
И бѣшенъ темный взоръ мой, бѣшенъ,
Костыль приподнятый грозитъ,
Мертво въ застывшихъ пальцахъ взвѣшенъ.

А ты, вздохнувъ, уходишь въ даль,
Бѣжишь меня, бѣжишь невольной,
Бѣжишь, — а мнѣ чего-то жаль,
Ушла, — а мнѣ такъ больно, больно.

Нѣтъ — не умру. Нѣтъ — буду жить.
О, злотъ тонкій, пьяный запахъ!
Пусть надо мной, гдѣ блещетъ нить,
Звенить комаръ въ паучьихъ лапахъ.

Пусть на войнѣ и стонъ, и крикъ,
И желтый дымъ удушливъ, ѣдокъ —
Мнѣ сладко нѣжитъ блѣдный ликъ
Въ лучахъ, блеснувшихъ напоследокъ.

Пусть вешній вѣтеръ вѣтвь взовьетъ,
Изъ-подъ нея, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольетъ
Жемчужно-розовые пятна.

Одинъ. Склонился на костыль,
Душа ясна — любви не просить,
Въ лазури блѣдной вѣтеръ пыль —
Взлетѣвшій столбъ — въ пространства бросить
Въ пространствахъ ясныхъ носить, носить.

III.

Мы ждемъ. Ея все нѣтъ, все нѣтъ,
Мы ждемъ средь праздничнаго храма,
И въ черепаховый лорнетъ
Глядя на дверь, сказала дама —

Шепнула мнѣ: „Si jeune... Quelle ange“...
Вошла, склонясь: склонясь въ печаляхъ,
Бѣлѣй, чѣмъ мертвый флеръ-д'оранжъ, —
Вошла — туманится въ вуаляхъ.

Въ веселыхъ окнахъ багрянецъ.
Рыданій крикъ сдавилъ ей горло,
Когда рука надъ ней вѣнецъ
Холодноблещущій простерла.

Спѣшатъ друзья — за рангомъ рангъ —
Намъ оказать вниманья знаки,
На костыляхъ — орангъ-утангъ —
Стою предъ ней въ измятомъ фракѣ.

Она моя, моя, моя...
Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли. Ласточекъ семья
Надъ папертью въ лазурь мѣтнулась.

Мальчишки, вскачь спасаясь вдаль,
Со смѣху прыснули невольню,
Смѣюсь, — а мнѣ чего-то жаль,
Молчить, — а ей такъ больно, больно.

ВОЗВРАТЪ.

А. С. ПЕТРОВСКОМУ.

I.

Я вознесенъ, судьбѣ своей покорный,
Надъ головой полеть столѣтій быстрый.
Привольно мнѣ въ моей пещерѣ горной,
Лазурь, темнѣя, разсыпаетъ искры.
Мои друзья упали съ выси звѣздной.
Забывъ меня они живутъ въ низинахъ,
Кровавый факель я зажегъ надъ бездной:
Звѣздою дальней блещетъ на вершинахъ.
Я воззову теперь къ вершинамъ брата,
Пусть зазвучатъ имъ дальніе намеки,

Мой гномъ, мой гномъ, возьми трубу возврата.
И гномъ трубитъ, надувъ худыя щеки.
Виномъ волшебствъ мы встрѣтимъ ихъ, какъ маги,
Какъ сонъ, мелькнетъ потокъ столѣтій быстрый,
Подай имъ кубки пѣнно-пивной влаги,
Въ которой блещутъ золотыя искры.
Колпакъ слетѣлъ, но гномъ трубитъ — ученый.
Въ провалъ слетѣли камни подъ ногою,
Трубою машетъ. Плащъ его зеленый
Надъ бездною полощется, сѣдою.
Шепну тебѣ: изъ странъ обѣтованныхъ
Въ долину скорби суждено уйти имъ...
Цвѣтами, гномъ, осыпь гостей желанныхъ,
Зеленый плащъ подъ ноги разстели имъ.

II.

На пиръ бѣжить съ низинъ толпа народу,
Стоитъ надъ міромъ солнца шаръ янтарный.
Таинственно протянутый къ восходу,
На высяхъ блещетъ жезлъ мой свѣтозарный.
Подножье пира — льдистая вершина.
Пылаетъ скатерть золотомъ червонца.
Въ сосудахъ цѣнныхъ міровыя вина:
Вотъ тутъ — лазурь, а тамъ — напитокъ солнца.
Одѣтый въ плащъ зари вечерне-темный
И въ туфли изумрудныя обутый,
Идетъ мой гномъ, привѣтливый и скромный,
Надъ головой держа свой рогъ загнутый.
Онъ жемчуга даритъ, какъ поцѣлуи,
То здѣсь, то тамъ тяжелый рогъ нагнувши,
Журчащія, ласкающія струи
Между собой и гостемъ протянувши.
Межъ нихъ хожу въ небесно-блѣдной тогѣ,
То здѣсь, то тамъ мелькаетъ жезлъ волшебный,
„Друзья, пируйте — будете какъ боги“,

То тамъ, то здѣсь твержу: „мой столъ — цѣлебный“.
„До ночи мы пробудемъ на высотахъ,
А ночью, взявъ пунцовыя лампы,
Отправимся въ таинственные гроты,
Гдѣ выходъ намъ завѣсятъ водопады“.
Вѣчная пирь, съ улыбкой роковою
Вкругъ излучая трепетъ свѣтозарный,
Мой вѣрный гномъ несетъ надъ головою
На кругломъ блюдѣ солнца шаръ янтарный.

III.

Въ очахъ блеснулъ огонь звѣриной страсти,
Съ налитыми кровавыми челами
Разорванныя солнечныя части
Сосутъ дрожаще-жадными губами.
Иной, окончивъ солнечное блюдо,
За лишній кусъ ведетъ шумливо торги,
На льду огнистоблещущею грудой
Отражена картина дикихъ оргій.
Я застилъ свѣтъ во гнѣвѣ. Тѣнью длинной
Легла на нихъ моей одежды лопасть.
Надъ головою Вѣчностью старинной,
Бездоннотемной, разверзалась пропасть.
Безмолвно ждалъ я алчущаго брата,
Въ толпѣ звѣрей ища высотъ намеки. —
Мой гномъ, мой гномъ, возьми трубу возврата!...
И гномъ трубить, надувъ худыя щеки.
Идите прочь! — И ужасомъ безумнымъ
Объятые, спускаются въ провалы.
Сорвавши плащъ, въ негодованьѣ шумномъ
Мой вѣрный гномъ имъ вслѣдъ бросаетъ скалы.
Лазурь, темнѣя, разсыпаетъ искры...
Рядъ льдистыхъ кручъ блеститъ грядой узорной.
Я вновь одинъ въ своей пещерѣ горной,
Надъ головой полетъ столѣтій быстрый.

ЗОЛОТОЕ РУНО.

Э. К. МЕТНЕРУ.

Пожаромъ склонъ неба объять...
И вотъ аргонавты намъ въ рогъ отлетаній
Трубятъ...
Внимайте, внимайте....
Довольно страданій!
Броню надѣвайте
Изъ солнечной ткани!
Зоветь за собою
Старикъ аргонавтъ,
Взываетъ
Трубой
Золотою :
„За солнцемъ, за солнцемъ, свободу любя,
Умчимся въ ээиръ
Голубой!“ —
Старикъ аргонавтъ призываетъ на солнечный пиръ
Трубя
Въ золотѣющій міръ.
Все небо въ рубинахъ.
Шаръ солнца почилъ.
Все небо въ рубинахъ
Надъ нами.
На горныхъ вершинахъ
Нашъ Арго,
Нашъ Арго,
Готовясь летѣть, золотыми крылами
Забилъ.
Земля отлетаетъ.
Вино
Міровое
Пылаетъ
Пожаромъ
Опять :

То огненнымъ шаромъ
Блестать
Выплываетъ
Руно
Золотое,
Искрясь.
И блескомъ объятый,
Свѣтило дневное,
Что факеломъ вновь зажжено.
Несясь
Настигаетъ
Нашъ Арго крылатый,
Опять настигаетъ
Свое золотое
Руно.

А. БЛОКЪ.

(1888 г.)

Предчувствую Тебя. Года проходятъ мимо —
Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.
Весь горизонтъ въ огнѣ — и ясенъ нестерпимо,
И, молча, жду, — тоскуя и любя.
Весь горизонтъ въ огнѣ, и близко появленье,
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты,
И дерзкое возбудишь подозрѣнье,
Смѣнивъ въ концѣ привычныя черты.
О, какъ паду — и горестно, и низко,
Не одолѣвъ смертельныя мечты!
Какъ ясенъ горизонтъ! И лучезарность близко,
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты,

* * *

Вхожу я въ темные храмы,
Совершаю бѣдный обрядъ.
Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ мерцаніи красныхъ лампадъ.
Въ тѣни у высокой колонны
Дрожу отъ скрипа дверей.
А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный,
Только образъ, лишь сонъ о Ней.
О, я привыкъ къ этимъ ризамъ
Величавой, Вѣчной Жены!
Высоко бѣгутъ по карнизамъ
Улыбки, сказки и сны!
О, Святая, какъ ласковы свѣчи,
Какъ отрадны Твои черты!

Мнѣ не слышны ни вздохи, ни рѣчи,
Но я вѣрю: милая — Ты.

* * *

Я понялъ все и отхожу я,
Благословенъ прошедшій день.
Ты — въ аломъ сумракѣ ликуя —
Ночную миновала тѣнь.
Но риза дѣвственная зрима,
И день съ Тобою проведенъ.
Пускай душа неисцѣлима.
Благословенъ прошедшій сонъ.

* * *

Я, отрокъ, зажигаю свѣчи,
Огонь кадильный берегу.
Она безъ мысли и безъ рѣчи
На томъ смѣется берегу.
Люблю вечернее моленье
У бѣлой церкви надъ рѣкой,
Передзакатное селенье
И сумракъ мутно-голубой.
Покорный ласковому взгляду,
Любуясь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю бѣлые цвѣты.
Падеть туманная завѣса.
Женихъ сойдетъ изъ алтаря.
И отъ вершинъ зубчатыхъ лѣса
Забрежжетъ брачная заря.

* * *

С. М. СОЛОВЬЕВУ.

Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни,
Высокъ и внятень колокольный зовъ.

Озарены церковныя ступени,
Ихъ камень живъ — и ждетъ твоихъ шаговъ.
Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одѣтый страшной святостью вѣковъ,
И, можетъ быть, цвѣтокъ весны уронишь
Здѣсь въ этой мглѣ, у строгихъ образовъ.
Растутъ невнятно розовыя тѣни,
Высокъ и внятень колокольный зовъ.
Ложится мгла на старыя ступени...
Я озарень — я жду твоихъ шаговъ.

* * *

Покраснѣли и гаснутъ ступени,
Ты сказала сама: Приду.
У входа въ сумракъ моленій
Я открылъ мое сердце. — Жду.
Что скажу я тебѣ, — не знаю.
Можетъ быть отъ счастья умру.
Но огнемъ вечернимъ сгорая,
Привлеку и тебя къ костру.
Расцвѣтаетъ красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Надъ храмомъ, надъ нами —
Беззакатная глубь и высь.

* * *

„И Духъ, и невѣста„ говорятъ:
приди.

Вѣрю въ Солнце Завѣта,
Вижу зори вдали.
Жду вселенскаго свѣта
Отъ весенней земли,
Все дышавшее ложью
Отшатнулось дрожа.

Предо мной — къ бездорожью
Золотая межа.
Заповѣданныхъ лилій
Прѣхожу я лѣса.
Полны ангельскихъ крылій
Надо мной небеса.
Непостижнаго свѣта
Задрожали струи.
Вѣрю въ Солнце Завѣта.
Вижу очи Твои.

* * *

Потемнѣли, поблекли залы.
Почернѣла рѣшетка окна.
У дверей шептались вассалы :
— Королева, королева больна.
И король нахмуривши брови,
Проходитъ безъ пажей и слугъ.
И въ каждомъ брошенномъ словѣ
Ловили смертный недугъ.
У дверей затихнувшей спальни
Я плакалъ, сжимая кольцо.
Тамъ — въ концѣ галлерей дальней
Кто-то вторилъ, закрывъ лицо.
У дверей Несравненной Дамы
Я рыдалъ въ плащѣ голубомъ.
И, шатаясь, вторилъ тотъ самый —
Незнакомецъ съ блѣднымъ лицомъ.

* * *

Я ихъ хранилъ въ придѣлѣ Іоанна,
Недвижный стражъ, — хранилъ огонь лампадъ.
И вотъ — Она, и къ Ней — моя Осанна —
Вѣнецъ трудовъ — превыше всѣхъ наградъ.
Я скрылъ лицо, и проходили годы.

Я пребывалъ въ служеньи много лѣтъ.
И вотъ — зажглись лучомъ вечернимъ своды,
Она дала мнѣ Царственный отвѣтъ.
Я здѣсь одинъ хранилъ и теплилъ свѣчи.
Одинъ — пророкъ, — дрожалъ въ дыму кадилъ.
И въ Оный День — одинъ участникъ встрѣчи —
Я этихъ встрѣчъ ни съ кѣмъ не раздѣлилъ.

* * *

О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ
Я забывалъ на горестной землѣ,
Когда твое лицо въ цростой оправѣ
Передо мной сіяло на столѣ.

Но часъ насталъ, и ты ушла изъ дому.
Я бросилъ въ ночь завѣтное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забылъ прекрасное лицо.

Летѣли дни, крутятся проклятымъ роємъ...
Вино и страсть терзали жизнь мою.
И вспомнилъ я тебя предъ аналоемъ,
И звалъ тебя, какъ молодость свою...

Я звалъ тебя, но ты не оглянулась
Я слезы лилъ, но ты не снизошла.
Ты въ синій плащъ печально завернулась,
Въ сырую ночь ты изъ дому ушла.

Не знаю, гдѣ приютъ своей гордынѣ
Ты, милая, ты, нѣжная, нашла...
Я крѣпко сплю, мнѣ снится плащъ твой синій,
Въ которомъ ты въ сырую ночь ушла...

Ужъ не мечтать о нѣжности, о славѣ,
Все миновалось, молодость прошла.

Твое лицо въ его простой оправѣ.
Своей рукой убралъ я со стола...

* * *

Безмолвный призракъ въ терему,
Я — черный рабъ проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
Въ ея нетронутомъ альковѣ.
Я стерегу ея ключи
И съ ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Непостижимой.
Мой голосъ глухъ, мой волосъ сѣдъ.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — одинъ завѣтъ :
Завѣтъ служенья Непостижимой.

* * *

Такъ окрыленно, такъ напѣвно
Царевна пѣла о веснѣ.
И я сказалъ : „смотри, царевна,
„Ты будешь плакать обо мнѣ“.

Но руки мнѣ легли на плечи
И прозвучало : „Нѣтъ. Прости.
„Возьми свой мечъ. Готовься къ сѣчѣ.
„Я сохраню тебя въ пути.“

И я сошелъ тропой уклонной
И слушалъ, опершись на мечъ,
Обѣтъ царевны благосклонной,
Ея торжественную рѣчь.

„Иди, иди, мой рыцарь дольний,
„Куда ведетъ тебя весна,

„Гдѣ безпечальнѣй, безглагольнѣй,
„Твой путь — пѣвучая струна.

„Я сохраню мой ледъ и холодъ,
„Замкнушь въ хрустальномъ терему,
„А ты вернешься снова молодъ,
„И долгу вѣренъ своему.

„И будетъ радость въ долгихъ взорахъ,
„И тихо протекуть года.
„Вкругъ замка будетъ вѣчный шорохъ,
„Во рву спокойная вода.

„Да, я готова къ поздней встрѣчѣ,
„Навстрѣчу руки протяну
„Тебѣ, несущему изъ сѣчи
„На остриѣ копья — весну“.

Даль опустила синій пологъ
Надъ замкомъ, башней и тобой.
Прости царевна. Путь мой дологъ
Иду за огненной весной.

* * *

Е. П. ИВАНОВУ

Городъ въ красные предѣлы
Мертвый ликъ свой обратилъ.
Сѣро-каменное тѣло
Кровью солнца окатилъ.
Стѣны фабрикъ, стекла оконъ,
Грязно-рыжее пальто,
Развѣвающійся локонъ; —
Все закатомъ залито.
Цѣломудренныя лица
Кажутъ бѣлый рядъ зубовъ.

Въ каждой дѣвушкѣ — блудница,
Въ каждомъ помыслѣ — альковъ.
Блещутъ искристыя гривы,
Золотыхъ, какъ жаръ коней;
Мчатся бѣшенныя дивы,
Жадныхъ облачныхъ грудей;
Красный дворникъ плещетъ ведра
Съ пьяно-алою водой;
Пляшутъ огненные бедра
Проститутки площадной,
И на башнѣ колокольной
Въ гулкій плясъ и мѣдный зыкъ —
Кажетъ колоколъ раздольный
Окровавленный языкъ.

Ф А Б Р И К А

Въ сосѣднемъ домѣ окна желты.
По вечерамъ — по вечерамъ —
Скрипятъ задумчивые болты,
Подходятъ люди къ воротамъ.
И глухо заперты ворота,
А на стѣнѣ, — а на стѣнѣ
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считаетъ въ тишинѣ.
Я слышу все съ моей вершины:
Онъ мѣднымъ голосомъ зоветъ
Согнуть измученныя спины
Внизу собравшійся народъ.
Они войдутъ и разбредутся,
И въ желтыхъ окнахъ засмѣются,
Что этихъ нищихъ провели,

* * *

По городу бѣгалъ черный человѣчекъ.
Гасилъ онъ фонарики, карабкаясь на лѣстницу.

Медленный, бѣлый подходилъ разсвѣтъ,
Вмѣстѣ съ человѣкомъ взбираясь на лѣстницу.
Тамъ, гдѣ были тихія, мягкія тѣни —
Желтыя полоски вечернихъ фонарей; —
Утреннія сумерки легли на ступени,
Забрались въ занавѣски, въ тѣни дверей.
Ахъ, какой бѣдный городъ на зарѣ!
Черный человѣкъ плачетъ на дворѣ.

* *

Свѣтъ въ окошкѣ шатался, —
Въ полумракѣ — одинъ —
У подъѣзда шептался
Съ темнотою арлекинъ.
Былъ окутанный мглою
Бѣлокрасный нарядъ.
Наверху за стѣною
Шутовской маскарадъ.
Тамъ лицо укрывали
Въ разноцвѣтную ложь.
Но въ рукѣ узнавали
Неизбѣжную дрожь.
„Онъ“ мечемъ деревяннымъ
Начерталъ письма.
Восхищенная страннымъ,
Потуплялась „она“.
Восхищенію не вѣря,
Съ темнотою — одинъ —
У задумчивой двери
Хохоталъ арлекинъ.

СТАРЫЯ МЫСЛИ.

Хожу, брожу понурыи
Одинъ въ своей норѣ,

Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ.

О той свободной долѣ,
Что мнѣ не суждена,
О томъ, что вѣтеръ въ полѣ,
А на дворѣ — весна.

А мнѣ — какое дѣло?
Брожу одинъ, забыть.
И свѣчка догорѣла,
И маятникъ стучить.

Одна, одна надежда
Вонъ тамъ — въ ея окнѣ.
Свѣтла ея одежда,
Она придетъ ко мнѣ.

А я, нахмутивъ брови
Ей въ сотый передамъ,
Какъ много портилъ крови
Знакомымъ и друзьямъ.

И снова будетъ сладко,
И тихо, и тепло.
Въ углу горитъ лампадка,
На сердцѣ отлегло...

Зачѣмъ она приходитъ
Со мною говорить?
Зачѣмъ въ иглу проводитъ
Веселенькую нить?

Зачѣмъ она роняетъ
Веселыя слова?
Зачѣмъ лицо склоняетъ
И прячетъ въ кружева?

Какъ холодно и тѣсно,
Когда ея здѣсь нѣтъ.
Какъ долго неизвѣстно,
Блеснетъ ли въ окнахъ свѣтъ?

Лицо мое блѣднѣе,
Чѣмъ бѣлая стѣна...
Опять, опять сробѣю,
Когда придетъ она...

Вѣдь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить, нѣжной?
Что сердце расцвѣло?
Что вѣтеръ вѣетъ снѣжный?
Что въ комнатѣ свѣтло?

МОЛИТВЫ.

2. утренняя.

До утра мы въ комнатахъ споримъ,
На разсвѣтѣ одинъ изъ насъ
Выступаетъ къ розовымъ зорямъ —
Золотой привѣтствовать часъ.
Высоко онъ стоитъ надъ нами —
Тонкій профиль на блѣдной зарѣ.
За плечами его, за плечами —
Всѣ поля и лѣса въ серебрѣ.
Такъ стоитъ въ кругу серебристомъ,
Величавъ, милосердъ и строгъ,
На челѣ его блѣдно-чистомъ
Мы читаемъ, что близокъ срѣкъ.

* * *

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова,
Я каждый день издалека
Слѣдилъ за ней на все готовый.
Я зналъ часы, когда сойдетъ
Она — и съ нею отблескъ гладкій.
И, какъ злодѣй, за поворотъ
Бѣжалъ за ней, играя въ прятки.
Мелькали желтые огни
И электрическія свѣчи.
И онъ встрѣчалъ ее въ тѣни,
А я слѣдилъ и пѣлъ ихъ встрѣчи.
Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали въ глубины
Слѣпя темныя ворота.
И я невидимый для всѣхъ,
Слѣдилъ мужчины профиль грубый,
Ея серебристо-черный мѣхъ
И что-то шепчущія губы.

* * *

Всѣ кричали у круглыхъ столовъ,
Безпокойно мѣняя мѣста.
Было тускло отъ винныхъ паровъ.
Вдругъ кто-то вошелъ — и сквозь гулъ голосовъ
Сказалъ: Вотъ моя невѣста.
Никто не слыхалъ ничего.
Всѣ визжали неистово, какъ звѣри.
А, одинъ, самъ не зная отчего, —
Качался и хохоталъ, указывая на него
И на дѣвушку, вошедшую въ двери.
Она уронила платокъ,
И всѣ они, въ злобномъ усилии,
Какъ будто понявъ зловѣщій намекъ, —
Разорвали съ визгомъ каждый клочекъ

И окрасили кровью и пылью.
Когда всё опять подошли къ столу,
Притихли и сѣли на мѣсто, —
Онъ указаль имъ на дѣвушку въ углу
И звонко сказаль, пронизывая мглу:
— Господа! Вотъ моя невѣста:
И вдругъ тотъ, кто качался и хохоталь,
Безмысленно протягивая руки,
Прижался къ столу, задрожаль, —
И тѣ, кто прежде безумно кричаль,
Услышали плачущіе звуки.

НЕЗНАКОМКА.

По вечерамъ надъ ресторанами
Горячій воздухъ дикъ и глухъ,
И править окриками пьяными
Весенній и тлетворный духъ.
Вдали, надъ пылью переулочной,
Надъ скукой загороднихъ дачъ,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается дѣтскій плачь.
И каждый вечеръ, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канавъ гуляютъ съ дамами
Испытанные остряки.
Надъ озеромъ скрипятъ уключины,
И раздается женскій визгъ,
А въ небѣ ко всему приученный —
Безмысленно кривится дискъ.
И каждый вечеръ другъ единственный
Въ моемъ стаканѣ отражень,
И влагой терпкой и таинственной,
Какъ я, смиренъ и оглушенъ.
А рядомъ у сосѣднихъ столиковъ
Лакеи сонные торчатъ,
И пьяницы съ глазами кроликовъ

„In vino veritas“ кричатъ.
И каждый вечеръ въ часъ назначенный
(Иль это только снится мнѣ?)
Дѣвичій станъ шелками схваченный,
Въ туманномъ движется окнѣ.
И медленно, пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругія шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.
И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берегъ очарованный
И очарованную даль.
Глухія тайны мнѣ поручены,
Мнѣ чье-то солнце вручено,
И всѣ души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
И перья страуса склоненныя
Въ моемъ качаются мозгу.
И очи синія бездонныя
Цвѣтутъ на дальнемъ берегу.
Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ.
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина въ винѣ.

СНѢЖНОЕ ВИНО.

И вновь, сверкнувъ изъ чаши винной,
Ты поселила въ сердцѣ страхъ
Своей улыбкою невинной
Въ тяжело-змѣйныхъ волосахъ.

Я опрокинуть въ темныхъ струяхъ
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сонъ о поцѣлуяхъ,
О снѣжныхъ выюгахъ вкругъ тебя.

И ты смѣешься дивнымъ смѣхомъ,
Змѣишься въ чашѣ золотой,
И надъ твоимъ собольимъ мѣхомъ
Гуляетъ вѣтеръ голубой.

И какъ, глядясь въ живыя струи,
Не увидать себя въ вѣнцѣ,
Твои не вспомнить поцѣлуи
На запрокинутомъ лицѣ!

* * *

Я вышелъ въ ночь — узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.
Дорога подъ луной бѣла,
Казалось, наполнилась шагами,
Тамъ только чья-то тѣнь брела
И опустилась за холмами.
И слушалъ я и услышалъ:
Среди дрожащихъ лунныхъ пятенъ,
Далеко, звонко конь скакалъ,
И легкій посвистъ былъ понятенъ.
Не здѣсь, а дальше — ровный звукъ,
И сердце медленно боролось.
О, какъ понять, откуда стукъ,
Откуда будетъ слышенъ голосъ?
И вотъ, слышнѣе звонъ копытъ,
И бѣлый конь ко мнѣ несется...
И стало ясно, кто молчитъ
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Я вышелъ въ ночь — узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропоть,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топоть.

* * *

Встала въ сіяніи. Крестила дѣтей.
И дѣти увидѣли радостный сонъ.
Положила, до полу кланяясь головой,
Послѣдній земной поклонъ.
Коля проснулся. Радостно вздохнулъ,
Голубому сну еще радъ наяву.
Покатился и замеръ стеклянный гуль:
Звенящая дверь хлопнула внизу.
Прошли часы. Приходилъ человѣкъ
Съ серебряной бляхой на теплой шапкѣ.
Стучаль и дожидался у двери человѣкъ,
Никто не открылъ. Играли въ прятки.
Были веселыя, морозныя святки.
Прятали маминъ, красный платокъ.
Въ платкѣ уходила она по утрамъ,
Сегодня оставила дома платокъ:
Дѣти прятали его по угламъ.
Подкрались сумерки. Дѣтскія тѣни
Запрыгали на стѣнѣ при свѣтѣ фонарей.
Кто-то шель по лѣстницѣ, считая ступени.
Сосчиталь. И заплакалъ. И постучаль у дверей.
Дѣти прислушались. Отворили двери.
Толстая сосѣдка принесла имъ щей.
Сказала: кушайте. Встала на колѣни.
И, кланяясь, какъ мама, крестила дѣтей.
Мамочкѣ не больно, розовыя дѣтки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человѣку, толстой сосѣдкѣ,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...
Мамочкѣ хорошо. Мама умерла.

* * *

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылъзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.

Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина,
И въ окнѣ твоемъ — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано
Что всегда звучить, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно — бѣлая,
Вдоль по комнатамъ одна:
Опустила, вся несмѣлая,
Штору синяго окна.

И потомъ, едва замѣтная,
Тонкій пологъ подняла,
И, какъ время, безразсвѣтная,
Шевелясь поникла мгла.

Стало тихо — въ дальней спаленкѣ
Синій сумракъ и покой,
Оттого, что карликъ маленькій
Держить маятникъ рукой.

ВЕРБОЧКИ.

Мальчики, да дѣвочки
Свѣчечки, да вербочки
Понесли домой.

Огонёчки теплятся,
Прохожіе крестятся,
И пахнетъ весной.

Вѣтерокъ удаленькій,
Дождикъ, дождикъ маленькій,
Не задуй огня!
Въ Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

* * *

На весенней проталинкѣ
За вечерней молитвою — маленькій
Попикъ болотный виднѣтся.
Ветхая ряска надъ кочкой
Чернѣтся
Чуть замѣтною точкой.
И въ безбурности зорь красноватыхъ
Не видать чертенятъ бѣсноватыхъ,
Но вечерняя прелесть
Увила вокругъ него свои тонкія руки...
Предзакатные звуки...
Легкій шелестъ.
Тихонько онъ молится,
Улыбается, клонится,
Приподнявъ свою шляпу.
И лягушкѣ хромой, ковыляющей,
Травой исцѣляющей
Перевяжетъ болящую лапу.
Перекреститъ и пуститъ гулять :
— Вотъ, ступай въ родимую гать
— Душа моя рада
— Всякому гаду
— И всякому звѣрю
— И о всякой вѣрѣ.
И тихонько молится,
Приподнявъ свою шляпу
За стебель, что клонится,
За больную звѣриную лапу,

И за римскаго папу. —
Не бойся пучины тряской
Спасетъ тебя черная ряска.

* * *

Побывала старушка у Троицы
И все дальше идетъ на Востокъ.
Вотъ сидитъ возлѣ бѣлой околицы,
Обвѣваетъ ее вѣтерокъ.
Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются въ кустахъ
На костыль, на мѣшокъ, на сухарики,
На усталыя ноги въ лаптяхъ.
„Эта странница, вѣрно не рада намъ —
Приложилась къ мощамъ и свята;
Надышалась божественнымъ ладономъ,
Чтобы видѣть Святыя мѣста.
Чтобъ идти ей тропинками злачными,
На зеленую травку присѣсть;
Чтобъ высоко надъ елями мрачными
Пронеслась золотистая вѣсть.“
И мохнатыя, малые каются,
Умиленно глядятъ на костыль,
Униженно въ травѣ кувыркаются,
Поднимаютъ копытцами пыль:
„Ты прости насъ, старушка ты Божія,
Не бери насъ въ Святыя мѣста!
Мы и здѣсь лобызаемъ подножія
Своего, полевого Христа.
Занимаются села пожарами,
Грозовая надъ нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлѣваетъ и намъ Купина.“

* * *

Мой любимый, мой князь, мой женихъ,
Ты печалень въ цвѣтистомъ лугу,

Повиликой средь нивъ золотыхъ
Завилась я на томъ берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Блѣдно-бѣлымъ прозрачнымъ цвѣткомъ.
Ты сомнешь меня въ полномъ цвѣту
Бѣлогрудымъ усталымъ конемъ.

Ахъ, безсмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя берегу.
Робко пламя церковной свѣчи
У заутрени блѣдной зажгу.

Въ церкви встанешь ты, блѣденъ лицомъ,
И къ Царицѣ Небесной придешь, —
Колыхнись восковымъ огонькомъ,
Дамъ почуять знакомую дрожь...

Надъ тобой — какъ свѣча — я тиха,
Предъ тобой — какъ цвѣтокъ — я нѣжна.
Жду тебя, моего жениха,
Все невѣста — и вѣчно жена.

* * *

Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ
О всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
О всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
О всѣхъ забывшихъ радость свою.

Такъ пѣлъ ея голосъ, летящій въ куполь,
И лучъ сіялъ на бѣломъ плечѣ.
И каждый изъ мрака смотрѣлъ и слушалъ,
Какъ бѣлое платье пѣло въ лучѣ.

И всѣмъ казалось, что радость будетъ,
Что въ тихой заводи всѣ корабли,

Что на чужбинѣ усталые люди
Свѣтлую жизнь себѣ обрѣли.

И голосъ былъ сладокъ, и лучъ былъ тонокъ,
И только высоко у Царскихъ Вратъ,
Причастный Тайнамъ, — плакалъ ребенокъ
О томъ, что никто не придетъ назадъ.

ИЗЪ ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ „БАЛАГАНЧИКЪ“

А Р Л Е К И Н Ъ.

По улицамъ соннымъ и снѣжнымъ
Я таскалъ глупца за собой.
Миръ открылся очамъ мятежнымъ,
Снѣжный вѣтеръ пѣлъ надо мной!
О, какъ хотѣлось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти въ миръ!
Совершить въ пустомъ безлюдьи
Мой веселый весенній пиръ!
Здѣсь никто понять не смѣетъ,
Что весна плыветъ въ вышинѣ!
Здѣсь никто любить не умѣетъ,
Здѣсь живутъ въ печальномъ снѣ!
Здравствуй, миръ! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мнѣ давно!
Иду дышать твоей весною
Въ твое золотое окно!

* * *

Не за тѣмъ величалъ я себя паладиномъ,
Не за тѣмъ вѣдь и ты приходила ко мнѣ,
Чтобы только рыдать надъ потухшимъ каминомъ,
Чтобы только плясать при умершемъ огнѣ.
Или счастье вправду невѣрно и быстро?
Или вправду я слабъ уже, боленъ и старъ?

Нѣтъ! въ золѣ еще бродятъ послѣднія искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнулъ пожаръ!

Д Р У З Ъ Я М Ъ .

Молчите, проклятыя струны!
Майковъ.

Другъ другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А какъ бы и жить и работать,
Не зная извѣчной вражды!
Предатели въ жизни и дружбѣ,
Пустыхъ расточители словъ,
Что дѣлать! Мы путь расчищаемъ
Для нашихъ далекихъ сыновъ!
Когда подъ заборомъ, въ крапивѣ
Несчастныя кости сгниютъ,
Какой-нибудь поздній историкъ
Напишетъ внушительный трудъ...
Вотъ только замучить, проклятый,
Ни въ чемъ неповинныхъ ребятъ
Годами рожденья и смерти
И ворохомъ скверныхъ цитатъ!
Печальная доля — такъ сложно,
Такъ трудно и празднично жить,
И стать достояньемъ доцента,
И критиковъ новыхъ плодить...
Зарыться бы въ свѣжемъ бурьянѣ,
Забуться бы сномъ навсегда!
Молчите проклятыя книги!
Я васъ не писалъ никогда!

* * *

1.

Пустая улица. Одинъ огонь въ окнѣ.
Еврей — аптекарь охаетъ во снѣ.
А передъ шкапомъ съ надписью: „venena“,

Хозяйственно согнувъ скрипучія колѣна,
Скелеть, до глазъ закутанный плащемъ,
Чего-то ищетъ, скалясь чернымъ ртомъ...
Нашель... но ненарокомъ чѣмъ-то звякнулъ,
И черепъ повернулъ... Аптекарь крякнулъ,
Привсталъ, — и на другой свалился бокъ...
А гость межъ тѣмъ — завѣтный пузырекъ
Суеть изъ-подъ плаща двумъ женщинамъ
безносимъ
На улицѣ, подъ фонаремъ бѣлесимъ.

2.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Безмысленный и тусклый свѣтъ.
Живи еще хоть четверть вѣка
Все будетъ такъ, исхода нѣтъ.
Умрешь — начнешь опять сначала, —
И повторится все, какъ встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ДВѢНАДЦАТЬ“.

IX.

Не слышно шуму городского,
Надъ Невской башней тишина,
И больше нѣтъ городского —
Гуляй, ребята, безъ вина!
Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жметъ шерстью жестской,
Поджавшій хвостъ, паршивый песь,
Стоитъ буржуй, какъ песь голодный,
Стоитъ безмолвный, какъ вопросъ,
И старый міръ, какъ песь безродный,
Стоитъ за нимъ, поджавши хвостъ.

ХII.

Вдали идутъ державнымъ шагомъ...
— Кто еще тамъ? Выходи!
Это вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди...
Впереди — сугробъ холодный,
— Кто въ сугробѣ выходи!
Только нищій песь голодный
Ковыляется позади...
— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощечочу!
Старый мѣръ, какъ песь паршивый,
Провались — поколочу!
Скалить зубы — волкъ голодный —
Хвостъ поджалъ — не отстаётъ —
Песь холодный, — песь безродный...
Эй, откликнись, кто идетъ?
Кто тамъ машеть краснымъ флагомъ?
Приглядись-ка, эка тьма!
Кто тамъ ходитъ бѣглымъ шагомъ,
Хоронясь за всѣ дома?
Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мнѣ живьемъ!
Эй товарищъ, будетъ худо,
Выходи стрѣлять начнемъ!
Трахъ-тахъ-тахъ! И только эхо
Откликается въ домахъ...
Только вьюга долгимъ смѣхомъ
Заливается въ снѣгахъ...
Трахъ-тахъ-тахъ!
Трахъ-тахъ-тахъ!
Такъ идутъ державнымъ шагомъ —
Позади — голодный песь,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,

И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Иисусъ Христосъ.

М. ВОЛОШИНЪ.

1877 г.

ВАЛЬДЕМОЗА.

Изъ страны, гдѣ солнца свѣтъ
Льется съ неба жгучъ и ярокъ,
Я привезъ тебѣ въ подарокъ
Пару звонкихъ кастаньетъ.
Безпокойны, говорливы,
Отбиваютъ звонкій стихъ...
Изъ груди сухой оливы
Сталью вырѣзали ихъ.
Щедро лентами одѣты;
Съ этой южной пестротой,
Въ нихъ живетъ испанскій зной,
Въ нихъ сокрытъ кусочекъ свѣта!...
... И когда Парижъ огромный
Весь одѣнется въ туманъ,
Въ мутный вечеръ на диванъ
Лягу я въ мансардѣ темной.
И напомнятъ мнѣ онѣ
И волны морской извивы,
И дрожащій лучъ на днѣ,
И узлистый стволъ оливы...
Вечеръ въ комнатѣ простой,
Силуэтъ сѣдой колдуньи
И красавицы плясуньи
Станъ и гибкій, и живой,
Танецъ быстрый, голосъ звонкій,
Граціозный, молодой, —

Съ этой южной, съ этой тонкой,
Стрекозиной красотой...
... И танцоры ходятъ въ рядъ,
Облитые краснымъ свѣтомъ,
А гитары говорятъ
Въ тактъ трескучимъ кастаньетамъ,
Словно шелканье цикадъ
Въ жгучій полдень жаркимъ лѣтомъ.

ПАРИЖЪ.

Закатъ сіялъ улыбкой алой.
Парижъ тонулъ въ лиловой мглѣ.
Въ порывѣ грусти день усталый
Прижалъ свой лобъ къ сырой землѣ.
И вечеръ медленно расправилъ
Надъ міромъ сизое крыло...
И кто-то горсть камней расплавилъ
И кинулъ въ жидкое стекло.
Рѣка линиялыми шелками
Качала бѣлый пароходъ.
И праздникъ былъ на лонѣ водъ...
Огни плясали межъ волнами...
Ряды огромныхъ тополей
Къ рѣкѣ сходились какъ гиганты,
И загорались брилліанты
Въ зубчатомъ кружевѣ вѣтвей.

ВЪ БУЛОНСКОМЪ ЛѢСУ.

Въ сѣро-сиреневомъ вечерѣ
Радостны сны мои нынче.
Въ сердцѣ сіянье „Вечери“
Леонардо да-Винчи.
Между мхомъ и травой мохнатою
Ключъ лепечеть невнятно,

Алымъ трепетомъ пали на статую
Золотистыя пятна.
Вѣтеръ вѣетъ и вѣется украдками
Межъ вѣтвей, надъ водой наклоненныхъ,
Шевеля тяжелыми складками
Шелковъ зеленыхъ.
Разбираетъ блѣдные волосы
Плакучей ивы;
По озерамъ — прозелень, полосы
И стальные отливы.
И одѣты парчами и чернью,
Многострунныя сосны
Навѣвають думу вечернюю
Про минувшія весны.
Облака надъ лѣсными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывутъ изъ аллея брилліантами
Фонари экипажей.

РОЖДЕНІЕ СТИХА.

Въ душѣ моей мракъ грозовой и пахучій...
Тамъ вьются зарницы, какъ синія птицы...
Горятъ освѣтленныя окна...
И тянутся длинны,
Протяжно — пѣвучи
Во мракѣ волокна...
О, запахъ цвѣтовъ, доходящій до крика!
Вотъ молнія въ бѣломъ излучьи...
И сразу все стало свѣтло и велико...
Какъ ночь лучезарна!
Танцуютъ слова, чтобы вспыхнуть попарно
Въ влюбленномъ созвучьи...
Изъ нѣдра сознанья, со dna лабиринта
Тѣснятся видѣнья толпой оробѣлой...
И стихъ расцвѣтаетъ цвѣткомъ гіацинта
Холодный, душистый и бѣлый.

О С Е Н Ъ .

Румяны краски. Воздухъ чистъ.
Вьется въ пляскѣ красный листь.
Это осень, далей просинь,
Гулы сосенъ, вѣтокъ свистъ.

Вѣтеръ клонить рядъ ракиль,
Листья гонить и вихрить
Вихрей рати, и на скатѣ
Перекасти-поле мчить.

Воды мутить, гонить гамъ,
Рыщетъ, крутитъ здѣсь и тамъ.
По нагорьямъ, плоскогорьямъ,
Лукоморьямъ и морьямъ.

Заверть пыли черезъ поле
Вихри взвили, попеля,
Чьи-то руки напружили,
Точно луки, тополя.

Въ море прынетъ — вихрь встаетъ.
Воды стянетъ, загудетъ,
Рветъ на части лодокъ снасти.
Дышетъ въ пасти пѣнныхъ водъ.

Ввысь въ червлений солнца дискъ —
Милліоны алыхъ брызгъ,
Гребней взвивы, струй отливы,
Коней гривы, пѣны взвизгъ.

Г Р О Т Ъ Н И М Ф Ъ .

СЕРГѢЮ СОЛОВЬЕВУ.

О, странникъ — человекъ! Познай Священный Гротъ
И надпись скорбную: „Amori et Dolori“

Изъ бездны хаоса, сквозь огненное море,
Въ пещеры времени влечетъ водоворотъ...

Но смертнымъ и богамъ отверсть различный входъ...
Любовь — тропа однимъ, другимъ дорога — горе.
И каждый припадаетъ къ сіяющей амфорѣ,
Гдѣ тайной Эроса хранится вѣщій медъ.
Отмѣченъ входъ людей оливою вѣтвистой —
Въ пещерѣ влажныхъ нимфъ, таинственной и мгл-
стой,

Гдѣ пчелы въ темнотѣ слагаютъ сотовъ грани,
Наяды вѣчно ткуть на каменныхъ станкахъ
Одежды жертвенной пурпуровыя ткани.

* * *

Я ждалъ страданья столько лѣтъ
Всей цѣльностью несознаннаго счастья.
И боль пришла, какъ тихій синій свѣтъ,
И обвилась вокругъ сердца, какъ запястье.
Желанный лучъ съ собой принесъ
Такія жгучія, мучительныя ласки.
Сквозь влажную лучистость слезъ
По міру разлились невиданныя краски.
И сердце стало изъ стекла,
И въ немъ такъ тонко пѣла рана:
„О боль, когда бы не пришла,
Всегда приходитъ слишкомъ рано“.

ЗЕРКАЛО.

Я — глазъ, лишенный вѣкъ... Я брошено на землю.
Чтобъ этотъ міръ дробить и отражать.
И образы скользятъ... Я чувствую, я внемлю,
Но не могу въ себѣ ихъ удержать.
И часто въ сумеркахъ, когда дымятся трубы

Надъ синимъ городомъ, а въ воздухѣ гроза,
Въ меня глядятъ съ тоской. безсонныя глаза
И черныя запекшія губы.
И комната во мнѣ, и капаетъ вода,
Одинъ вопросъ другимъ перебивая.
И чувство смутное шевелится на днѣ.
Въ немъ радостная грусть, въ немъ сладкій страхъ
разлуки.

И я молю его: „Останься. Будь во мнѣ.
Не прерывай рождающейся муки“.
И вновь проходитъ день съ обычной суетой.
И блѣдное лицо лежитъ на днѣ — глубоко.
Но время наконецъ застынетъ надо мной
И тусклою плевой мое затянетъ око!

ПОЛЫНЬ.

Н. О. БОГАЕВСКОМУ.

Костеръ мой догоралъ на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистаго стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
Въ истомной мглѣ качалась и текла.
Въ границахъ скалъ надломленныя крылья,
Подъ бременемъ холмовъ изогнутый хребетъ,
Земли отверженной застывшія усиля,
Уста Праматери, которымъ слова нѣтъ...
Дитя ночей призывныхъ и пытливыхъ
Я самъ — твои глаза, раскрытые въ ночи
Къ сіяныю древнихъ звѣздъ, такихъ же сиротливыхъ,
Простершихъ въ темноту зовущіе лучи.
Я самъ — уста твои безгласныя какъ камень,
Я тоже изнемогъ въ оковахъ нѣмоты.
Я свѣтъ потухшихъ Солнцъ, я словъ застывшій пла-
мень,

Незрячій и нѣмой, безкрылый какъ и ты!
О Мать — Невольница, на грудь твоей пустыни

Склоняюь я въ полночной тишинѣ
И горькій дымъ костра и горькій духъ полыни
И горечь волнъ останутся во мнѣ.

* * *

Тѣсенъ мой міръ. Онъ замкнулся въ кольцо,
Вѣчность лишь изрѣдка блещетъ зарницами,
Время порывисто дуетъ въ лицо,
Годы несутся огромными птицами.
Ключи тумана — вблизи... вдалькѣ...
Быстро текутъ очертанья.
Лампу Психеи несу я въ рукѣ —
Синее пламя познанья.
Въ безднахъ срывается новое дно.
Формы и мысли смѣсились.
Всѣ мы ужъ умерли гдѣ-то давно...
Всѣ мы еще не родились.

* * *

ОДИЛОНУ РЭДОНУ.

Я шелъ сквозь ночь. И блѣдной смерти пламя
Лизнуло мнѣ лицо и скрылось безъ слѣда.
Лишь вѣчность зыблется ритмичными вѣками
И съ грустью, какъ во снѣ, я помню иногда
Угасшій метеоръ въ пустыняхъ мірозданья,
Сѣдой кристалъ въ сверкающей пыли,
Гдѣ Ангелъ проклятый проклятіемъ всезнанья
Живетъ межъ складками морщинистой земли.

НОЧЬ.

Вечеръ за днемъ безпокойнымъ.
Городъ какъ уголь зардѣлъ.
Вѣетъ порывистымъ, знойнымъ,
Рдянымъ дыханіемъ тѣлъ.

Плавны какъ пѣніе хора,
Прочь отъ земли и огней,
Высятся дуги собора
Къ свѣтлымъ пространствамъ ночей.
Въ тверди сіяюще синей
Въ звѣздной алмазной пыли
Нити стремительныхъ линій
Сѣрья сѣти сплели.
Въ горный просторъ безъ усилія
Взвились громады камней
Птичьи упругія крылья —
Крылья у старыхъ церквей.

СТИГМАТЫ.

Чья рука летучая какъ пламень
По страстнымъ путямъ меня ведетъ
Подъ ногой не гулкой чуя камень,
А журчанье вѣщихъ водъ.
Духъ пронзають острые пилястры,
Мракъ ужаленъ пчелами свѣчей...
О, сердца расцвѣтшія какъ астры
Золотымъ сіяніемъ мечей.
Свѣтъ страданія, алый свѣтъ вечерній
Пронизалъ рѣзной узорный храмъ.
Ахъ, какъ жалятъ жалы алыхъ терній
Блѣдный лобъ, приникшій къ алтарямъ.
Вся душа, какъ своды и порталы
И какъ синій ладанъ въ ней испугъ.
Знаю васъ священные кораллы
На ладоняхъ распростертыхъ рукъ.

ГНОСТИЧЕСКІЙ ГИМНЪ ДѢВѢ МАРІИ.

ПОСВЯЩ. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

Славься, Марія,
Хвалите, хвалите

Крестныя тайны
Во тьмѣ естества:
Mula prakriti
Покровъ Божества.
Дремная греза
Отца Парабрамы
Сонная Майа —
Праматерь — матѣрія,
Греза изъ грезы
(Вскрываются храмы)
Жертвы и смерти
Живая мистерія...
Марево — Мара,
Море безмѣрное.
Аморъ — Марія
Звѣзда надъ морями.
Мѣрною рябью
Разбилась вселенная.
Въ ритмѣ вскрывается,
Тайна глубинная;
Въ пѣнныя крылья свои голубиныя
Моремъ свита.
Изъ влаги рожденная,
Мать Афродита...
Звѣзда надъ моремъ.
Море — Марія...
Майею въ мѣрѣ рождается Будда
Въ областяхъ звѣздныхъ
Надъ міромъ парить.
Вѣрьте свершителю высшаго чуда,
Пламя угасшее въ безднахъ
Горить...
— Майа — Марія...
Майа принявшая
Бога на крестъ,
Майа зачавшая
Вечеръ — Гермеса.

Съ пламени вѣщихъ
Несущихся звѣздъ
Сорвана дня голубая завѣса.
Мы въ безднахъ погасли,
Мы кругъ завершили,
Мы въ темныя ясли
Бога сложили...

Ave Maria.

КИММЕРИЧЕСКІЯ СУМЕРКИ.

I.

Стариннымъ золотомъ и желчью напиталь
Вечерній свѣтъ холмы. Зардѣли, красны, буры,
Клоки косматыхъ травъ, какъ пряди рыжей шкуры;
Въ огнѣ кустарники, и воды, какъ металлъ.
А груды валуновъ и глыбы голыхъ скалъ
Въ размытыхъ впадинахъ загадочны и хмуры
Въ крылатыхъ сумеркахъ шевелятся фигуры:
Вотъ лапа тяжкая, вотъ челюсти оскаль;
Вотъ холмъ сомнительный, подобный вздутымъ реб-
рамъ...
Чей согнутый хребетъ порось, какъ шерстью, чоб-
ромъ?
Кто этихъ мѣстъ жилецъ: чудовище? титанъ?
Здѣсь жутко въ темнотѣ... А тамъ — просторъ сво-
бода....

Тамъ дышетъ тяжело усталый океанъ —
И вѣетъ запахомъ гніющихъ травъ и іода.

II.

Здѣсь былъ священный лѣсъ. Божественный гонецъ
Ногой крылатою касался сихъ прогалинь...
На мѣстѣ городовъ ни камней, ни развалинь...

По склонамъ выжженнымъ ползутъ стада овецъ.
Какъ четки выси горь! Зубчатый ихъ вѣнецъ
Въ зеленыхъ сумракахъ таинственно-печаленъ.
Чьей древнею тоской мой вѣщій духъ ужаленъ?
Кто знаетъ путь боговъ: начало и конецъ?

Размытыхъ осыпей, какъ прежде звонки щебни,
И море скорбное, вздымая тяжко гребни,
Кипитъ по отмелямъ гудящихъ береговъ.
И ночи звѣздныя въ слезахъ проходятъ мимо...
И лики темные отверженныхъ боговъ
Глядятъ и требуютъ... зовутъ неотвратимо...

О Н А .

Въ напрасныхъ поискахъ за ней
Я изслѣдилъ земныя тропы
Отъ Гималайскихъ ступеней
До древнихъ пристаней Европы.
Она забытый сонъ вѣковъ,
Въ ней несвершенныя надежды:
Я шорохъ зналъ ея шаговъ
И шелестъ чувствовалъ одежды.
Тревожа древній сонъ могиль,
Я поднималъ киркою плиты...
Ее искалъ, ее любилъ
Въ чертахъ Микенской Афродиты.
Предъ нею падалъ я во прахъ,
Цѣлуя пламенные ризы
Царевны Солнца — Таіахъ
И покрывало Монны-Лизы.
Подъ шумъ молитвъ и дальній звонъ
Склонялся въ сладостномъ безсильи
Предъ ликомъ восковыхъ Мадоннъ
На знойныхъ улицахъ Севильи.
И я читалъ ея судьбу
Въ улыбкѣ внутренней зачатъя,

Въ улыбкѣ дѣвушекъ въ гробу,
Въ улыбкѣ женщинъ въ мигъ объятья.
Порой въ чертахъ случайныхъ лицъ
Ея улыбки пламя тлѣло,
И кто-то звалъ со дна темницъ,
Изъ бездны призрачнаго тѣла.
Но неизмѣнная не та
Она скользитъ за тканью зыбкой,
И тихо свѣтятся уста
Неотвратимою улыбкой.

С. ГОРОДЕЦКІЙ.

1884.

КОЛДУНОКЪ.

На полѣ за горкой, гдѣ горка њижаетъ,
Гдѣ красныя луковки солнце сажаетъ,
Гдѣ желтая рожь спорыньей поросла,
Пригнулась, дымится избенка сѣдая,
Зеленыя бревна, а крыша рудая,
Въ червонную землю давненько вросла.
Хихикаетъ, морщится темный комочекъ,
Въ окошкѣ убогомъ колдунъ-колдуночекъ,
Бородка по вѣтру лети, полетай.
Тю-тю вамъ, красавицы, дѣвки пустыя,
Скончались деньки, посидѣлки цвѣтныя,
Ко мнѣ на лужайку придешь невзначай.
Приступитъ тихонько: водицы напитокъ
Пожалуйте, дяденька, сердце стыдится...
Иди напивайся, проси журавля.
Журавль долгоспинный, журавликъ высокій,
Нагнися ко мнѣ, окунися въ истоки,
Водицы студеной пусти-ка земля.
Бадья окунется, журавль колыхнется,
Утробушка-сердце всполхнетъ, забьется:
Кого-то покажетъ живая струя!
Курчавенькій, русый, веселый, являйся,
Журавликъ качайся, скорѣй подымайся,
Во нѣ тебѣ алая лента моя.

ВЕСНА.

Звоны — стоны, перезвоны,
Звоны. — вздохи, звоны сны.

Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло:
Мать игуменья велѣла.
У воротъ монастыря
Плачетъ дочка звонаря:

Ахъ, ты поле, моя воля,
Ахъ, дорога дорога!
Ахъ, мостокъ у чиста поля,
Свѣчка чиста четверга!
Ахъ, моя горѣла ярко,
Погасала у него.
Наклонился дышетъ жарко,
Жарче сердца моего.
Я отстала, я осталась
У високаго моста.
Пламя свѣчекъ колебалось,
Цѣловалися въ уста.
Гдѣ ты, милый, лобызанный,
Гдѣ ты ласковый такой!
Ахъ, пары весны, туманы,
Ахъ, мой дѣвичій покой!

Звоны — стоны, перезвоны,
Звоны — вздохи, звоны — сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло.
Мать игуменья велѣла
У воротъ монастыря
Не болтаться зря.

СТРАННИКЪ.

Молвилъ дождику закапать,
Завернулась пыль.

Подвязалъ дорожный лапотъ,
Прицѣпилъ костыль.
И по этой по дорогѣ
Закатился вдаль,
Окрестивъ худыя ноги,
Схоронивъ печаль.

Я Р И Л А.

3.

Въ горенкѣ малой
У бабы безпалой
Дѣтей несудомъ,
Зайдетъ ли прохожій,
Засунется-ль лѣшій,
На свѣжей рогожѣ,
Алѣе моркови,
Милуетъ и тѣшитъ;
Ей всякое гоже,
Съ любымъ по любви,
Со всякимъ вдвоемъ.

Веселая хата
У бабы безпалой.
Роятся ребята,
Середній и малый,
Уродъ и удалый,
Поменѣ, поболѣ,
На волюшкѣ — волѣ.

Отцовъ позабыла.
Пришелъ и посѣялъ,
Кручину затѣялъ,
Кручину избыла,
И томятся губы,

Засуха постыла
Пустыни не любви.

— Гдѣ батько мой, мамо?
— За тучами, тамо,
Гдѣ вѣтеръ кочуетъ.
— Гдѣ батя, родная?
— За тѣми лугами,
Гдѣ рѣчка лѣсная
Истоки пѣстуетъ.
— Гдѣ, мамо, родимый?
— За тѣми ночами,
Любимый,
Гдѣ мѣсяць жаруетъ.

Весною зеленой
У ярочки бѣлой
Ягненокъ роженный;
У горленки сизой
Горленокъ ядреный;
У пѣгой кобылы
Ярь-туръ жеребенокъ;
У бабы безпалой
Невиданный малый:
Отъ верха до низа
Рудой, пожелтѣлый,
Не, не, золоченый!
Ярила!

КАКЪ Я ТЕБЯ ВСТРѢТИЛЪ.

Лѣсъ былъ темный, вечеръ близкій,
Мнѣ соснякъ по поясъ низкій.

Сосны красны, сосны стары.
Въ небесахъ опять пожары.

Я одинъ иду, безъ пѣсенъ,
Миръ невѣдомъ. Сумракъ тѣсенъ.

Вдругъ на зелени сосновой
Цвѣтъ зеленый, но ужъ новый —

Нѣжный, нѣжный! Стволъ бѣлѣтъ,
А кругомъ соснякъ темнѣтъ.

Словно къ лѣсу день вернулся.
Словно сумракъ улыбнулся.

Словно ландышъ вышелъ бѣлый!
Я стою оцѣпенѣлый.

Свѣте тихій! Сумракъ Божій!
У лѣсныхъ лежу подножіи.

Лѣсъ недвижимъ, Свѣтятъ зори,
Вся краса въ молящемъ взорѣ.

Какъ свѣча, березка свѣтитъ.
Какъ узнать, гдѣ счастье встрѣтитъ?

ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Выпаль вешній денекъ,
На бугрѣ солнцепекъ.
Собирайся, собирайся, народъ,
Въ хороводъ!
Станемъ кругомъ ходить
Да весну веселить,
Хороводъ заведемъ,
Запоемъ:
Здравствуй, здравствуй, весна!
Прилетѣла весна

Впопыхахъ.
Разносила красу,
Зеленила въ лѣсу,
На поляхъ.
Ахъ, ты, елочка-ель,
Ахъ, сосна, ты, сосна,
Не однѣ вы теперь зелены
У весны.
Вешній воздухъ, какъ хмель,
И пьянить, веселить,
И зоветь
Въ хороводъ.
Будемъ кругомъ итти,
Ты, весна, залети
Въ тѣсный кругъ.
Улыбнись, озари
И цвѣтами весь лугъ
Убери!

Б Е Р Е З А.

Я полюбилъ тебя въ янтарный день,
Когда лазурью свѣтозарной
Рожденная, сочилась лѣнь
Изъ каждой вѣтки благодарной.

Бѣлѣло тѣло, бѣлое, какъ хмель
Кипучихъ волнъ озерныхъ.
Тянулъ, смѣясь, веселый Лель
Лучи волосьевъ черныхъ.

И самъ Ярила пышно увѣнчалъ
Концы волосъ зеленой кроной
И, заплетая, разметалъ
Въ цвѣту лазурномъ цвѣтъ зеленый.

* * *

Я приду къ тебѣ сегодня
Въ тихій теремъ.
Сказкамъ старымъ, самымъ старымъ
Мы повѣримъ.
Ты — невѣста въ злой неволѣ,
Я — твой милый.
Усыплю я пѣсней змѣя
Сномъ могилы.
Молви: правда, губы алы,
Губы взоры?
Молви: правда, очи сини,
Очи — море?
Посмотри: вѣдь ты — царевна,
Я — спаситель.
Злого змѣя — молви: правда —
Побѣдитель?

* * *

Въ дуплѣ трясуцей конки
Старушки, старички,
Старинныя иконки,
Вчерашніе сморчки.
Задумались, мечтаютъ
О сказкахъ прожитыхъ.
Любовно вспоминаютъ
Покойниковъ родныхъ.
Краснѣютъ густо щечки,
Беззубый ротъ дрожить.
На голые височки
Сѣдая прядь бѣжитъ.
Давно ли, ахъ, давно ли —
Забуть я не могу —
Дарилъ розаны Олѣ
На бархатномъ лугу.
Совсѣмъ, совсѣмъ недавно —
Ахъ, время лицемѣрь, —

Вручала Жану славный
Изъ липы табакеръ.
И вотъ ужъ на гробницу
Безсмертники везу.
Взирая на столицу
Сквозь стекла и слезу.
Ползеть уныло конка,
Скрипитъ дверей крючокъ.
Храпитъ у двери звонко
Ослабшій, старичекъ.

Г О Р О Д Ъ,

Ой, сестрицы — водяницы, лѣшій братъ, огневики!
Погодите, подождите зажигать, вздуть костеръ!
Тамъ надъ кручей, возлѣ тучи, у текучи, у рѣки,
Я закованъ, я прикованъ, я въ плѣну у трехъ сестеръ.

Какъ и первая, Крикуша, затомила мой полонъ
Грудой каменныхъ, высокихъ, тупоокихъ коробовъ.
Какъ второю, Немогушей, я въ одежды заключенъ,
Мягкихъ складокъ шелестъ гадокъ, хуже каменныхъ
ОКОВЪ.

Какъ и третья, Отвыкая, не пускаетъ пуще всѣхъ,
Уцѣпилась, притянула — завязую въ волосахъ!
Братья, сестры, подождите соучастника утѣхъ:
Вотъ сейчасъ сорву полоны, долечу въ единый махъ.

Ш А Р М А Н К А.

И опять визги, лязги шарманки, шарманки,
Свистящей, хрипящей, какъ вѣтеръ ночной —
Размалеванной жизни пустыя приманки,
Льняная коса надъ ночной сѣдиной.

Маргарита, венгерка и вальсъ „Ожиданье“,
И вальсъ „Ожиданье“, тоска и тоска,
Той мѣщанки надъ жизнью пустой тоскованье,
Чья радость и дѣло — вязанье носка.

Вотъ по этому парку, цвѣтовъ не срывая,
Гулялъ, поджидалъ — по травѣ не ходить —
Золотиста коса, за цвѣты задѣвая,
Гимназиста съ ума приходила сводить.

Тамъ подъ соснами полъ изъ досокъ настилали,
Танцовали венгерку — вертѣлась рука.
Цѣловались, клялись и подругъ ревновали,
Шарманка, шарманка, тоска и тоска!

Не хочу. Надоѣло. Безъ маски глядится
Въ лицо мнѣ сѣдая мѣщанская жисть.
Эй, кому травяная коса пригодится,
Дешевая краска, удалая кисть?

П О Э Т Ъ.

Изныла грудь. Измаялъ душу.
Все отдалъ, продалъ, подарилъ.
Построилъ домъ и самъ — же рушу,
Всесильный — вотъ — поникъ безъ силъ.

Глаза потухли. Глухо. Тихо.
И мѣръ — пустая скорлупа.
А тамъ, внизу, стооко Лихо,
Вопить и плещеть звѣрь — толпа.

„Ты нашъ, ты нашъ! Ты вскормленъ нами.
Ты поднять нами изъ низинъ.
Ты вспоенъ нашими страстями,
Ты тамъ не смѣешь быть одинъ!“

Какъ рокоть дальняго прибоя,
Я слышу крики, плески рукъ.
И одиночество глухое
Вползаетъ въ сердце, сѣрь паукъ.

Да. Я былъ вашъ. И къ вамъ лишь рвался,
Когда, ярясь отъ вешнихъ силъ,
Въ избыткѣ жизни задыхался,
Метался, сѣялъ и дарилъ.

Когда же въ темную утробу
Вся сила, сгинувъ, утекла,
И жизнь моя къ сырому гробу
На шагъ поближе подошла, —

Я увидалъ глаза и пасти,
Мою пожравшіе судьбу,
И тѣ же алчущія страсти,
И ту же страстную алчбу.

И возмущенный ѳшатнулся,
И уstraшенный отошелъ.
Владыкой въ омутъ окунулся,
Назадъ вернулся нищъ и голъ.

О, вамъ отнынѣ только пѣсни!
Я жизнь для жизни сберегу.
Я обману васъ тѣмъ чудеснѣй,
Чѣмъ упоительнѣй солгу.

Поэтъ, лукавствуй и коварствуй!
И лжи и правды властелинъ,
Когда ты царь — иди и царствуй,
Когда ты нищій — будь одинъ.

П О Э Т Ъ.

Я рассказалъ, косноязычный,
Природы яростную глушь.

И былъ отраденъ необычайный
Мой быстрый стихъ для яркихъ душъ ;
Я разказалъ наивнымъ слогомъ
Святой любви причастіе любви
И промолчалъ о тайномъ многомъ,
Скрытомъ въ плоти и крови ;
Я разказалъ безсвязной рѣчью
Народа сильнаго бѣду,
Взманивши гордость человѣчью
Сорвать желѣзную узду ;
Теперь иное назначенье
Открылось духу моему,
И на великое служенье
Я голосъ новый подыму.
Да будетъ святъ и непороченъ
Мой цѣломудренный языкъ,
Какъ взглядъ орла сѣдого точенъ
И чистъ, какъ снѣговой родникъ.
Да будетъ всѣмъ всегда понятенъ
Судьбою выкованный стихъ,
Равно вчера и завтра внятень,
Равно для юныхъ и сѣдыхъ.
Да будетъ щедръ и безразличенъ
Для всѣхъ сіяющій мой свѣтъ
Когда святымъ огнемъ отличенъ
Я, волей Божьею, поэтъ.

ГОСТЬ.

Здравствуй. Кто ты ? — Неподвиженъ.
Кто ? — Струить глазами мракъ.
Кто ? — Пустынный взоръ приближенъ,
На губахъ молчанья знакъ.

Нѣтъ, не страшно. Что ты можешь ?
Ничего ? Ну что-жь, седи !
Склепъ мой строгій не встревожишь,
Только въ сердце не гляди.

При тебѣ читать не нужно?
Странный гость? Но буду миль,
Посидимъ спокойно, дружно,
Ты, игра вечернихъ силъ.

Что?! На волю не хочу-ли?
Хочешь воли — ты сказалъ?
Мнѣ? Да волю бы вернули?
Я? Да снова-бъ вольный стать?

Можешь? Можешь? — Неподвиженъ.
Можешь ты? — Молчанья знакъ.
Гдѣ онъ? — Сѣрый сводъ приниженъ,
Со стѣны струится мракъ.

КРЕСЛО.

На дѣдушкиномъ креслѣ —
Вблизи посмотришь если —
Такія небылицы!
На спинкѣ деревянной
Два карлика сцѣпились,
Кругомъ цвѣты завились —
Узоръ на заглядѣнье —
А на цвѣтахъ то птицы
Съ хвостами до сидѣнья.

Сидѣнье вышивное,
Соломой набивное! —
Я краюшекъ задрала.
А вышита прогулка —
Мнѣ няня рассказала:
Двѣ дамы кавалеру
Киваютъ: погуляемъ
По садику, къ примѣру.
Внизу стоитъ шкатулка
И клѣтка съ поугаемъ.

На ручкахъ двѣ собаки
Съ разинутыми ртами
И черными зубами,
Укусятъ — это враки.
Засунешь палецъ — пыльно,
А вкусъ какой то мыльный.

На ножкахъ птичьи лапки,
У нихъ змѣя въ охапкѣ.

Умру съ тоски по креслѣ,
Уѣду замужъ если.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА.

(I-я кн. стих. 1908 г.)

ПРИСНОДѢВА.

Когда въ сѣяньи утра я молюсь, лицо склоня,
Весенняя, Немудрая — ты смотришь на меня:
На персяхъ руки свилися молитвеннымъ крестомъ,
И кудри заслонилися трепещущимъ холстомъ.
Ручьемъ псалмовъ колеблемы, уста — какъ виноградъ.
У ногъ — золотыми стеблями блистаетъ криновъ садъ.
Вдали холмы написаны, лазурь и бѣлый храмъ...
Нисходитъ плавно внизъ она, святая Маріамъ —
Идетъ, синеочитая, отъ неба до земли,
Среброкрылатой свитою съ ней духи снизошли...
И херувимы ленные гласятъ въ свою свирѣль:
— Се — Дѣва Вождельнная, Веселіе земель! —
О цвѣтъ неувядаемый! Безгрѣшная земля!
Зачѣмъ тебя не знаемъ мы, духъ скорбью запыля?
Зачѣмъ же позабыли мы священный женскій смѣхъ?!
Зачѣмъ досель незыблемый царить унынью грѣхъ?!
Тебѣ, Невиннокудрая, молюсь я, стань склоня,
Блаженная, Премудрая, возрадуй же меня!

УСПЕНІЕ.

День завершился пурпурно — тепель,
Но ужъ завтра, скорѣй, чѣмъ лугъ
Росы причастье съ молитвой допилъ,
Земля почила. Во снѣ, безъ мукъ.
И я бѣжала холодной ранью,
Ломая руки, стена во мглѣ,

Чтобъ долгъ посмертный — любви лобзанье
Отдать недвижной, нѣмой землѣ,
Со мною вмѣстѣ, по горю братья,
Неслись стрекозы и стаи птицъ.
Но снѣжный Вѣстникъ раскрылъ объятья...
Дошла одна я. И пала ницъ.
Не слышу въ млечной груди бѣнья!
Не чую въ щедрой утробѣ силъ!
Увы! Свершилось. До Воскресенья
Надъ ней парчевый покровъ почилъ.
Восхитилъ душу полей Богъ міра
Въ свой голубой, необъятный Домъ...
А я надъ прахомъ излила муро,
О вѣчныхъ веснахъ пропѣвъ псаломъ.

З Е М Л Я.

Ты — предо мной, земля. Великая земля...
Пространная, золоторосая...
Къ величью твоему взывая и моля,
Взираю на тебя съ откоса я.
О первый мой привалъ, песчаный косогоръ,
Гдѣ мнѣ открылась весь безмѣрная! —
Тебя покину я. Бери меня, просторъ!
Я въ долъ глубокой ринусь серною,
И тамъ, дитя земли, прострусь передъ нею ницъ.
Пусть къ чернымъ персямъ ухо склонится...
Быть можетъ, мнѣ устами кроткихъ медуницъ
Велѣнье Матери проронится!
Возставши, удалюсь указанной тропой —
Природы радостная схимница.
Прости же, Мать, когда подъ быстрою стопой
Хотя единый цвѣтъ твой вымнется!

* * *

Въ лазури спѣшный птицелеть,
Въ лѣсахъ — соборованье золотомъ.

Мой духъ земной страшится — ждетъ
Подъ вскинутымъ осеннимъ молотомъ.
Печалась вянуть тополя,
Но птицамъ облачность раздвинута!
Больная нищая земля
Для гнѣздъ лазоревыхъ покинута...
Надъ головой шуршанье крыль —
Летятъ и ловкія и валкія...
— А ты, мой разумъ, много ль силъ —
Въ тебѣ, чтобъ сторгнуть страхи жалкіе?
Ужель тебя своей судьбой
Скитальцы воздуха не радуютъ?.. —
Птенецъ жемчужноголубой
Къ моимъ ногамъ внезапно падаетъ.
Застылъ агатовый глазокъ
Въ тоскѣ мертвѣющей усталости,
А птичій рой, далекъ, высокъ,
Надъ нимъ пронесся чуждый жалости.
Застыть и мнѣ средь нивъ — пустынь?
Иль гласомъ осени приказано,
Дерзнуть — взлетѣть въ Святую Синь,
Съ которой древле сердце связано?!
Увы! Мой духъ страшится, ждетъ...
Какъ жажду, жажду дѣтской вѣры я!
Надъ головой эфирометъ
Вздымаетъ крыльѣя желтосѣрія.

АННА АХМАТОВА.

ЛЮБОВЬ.

То змѣйкой свернувшись клубкомъ
У самаго сердца колдуетъ.
То цѣлые дни голубкомъ
На бѣломъ окошкѣ воркуетъ.

То въ инеѣ яркомъ блеснетъ,
Почудится въ дремѣ левкоя...
Но вѣрно и тайно ведетъ
Отъ радости и отъ покоя.

Умѣетъ такъ сладко рыдать
Въ молитвѣ тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
Въ еще незнакомой улыбкѣ.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

III.

Смуглый отрокъ бродилъ по аллеямъ
У озерныхъ глухихъ береговъ.
И столѣтіе мы лелѣемъ
Еле слышный шелестъ шаговъ.

Иглы елей густо и колко
Устилаютъ низкіе пни...
Здѣсь лежала его треуголка
И разорванный томъ Парни.

СЖАЛА РУКИ.

Сжала руки подъ темной вуалью...
„Отчего ты сегодня блѣдна?“...
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Какъ забуду? Онъ вышелъ, шатаясь,
Искривился мучительно ротъ,
Я сбѣжала, периль не касаясь,
Я бѣжала за нимъ до воротъ.

Задыхаясь, я крикнула: „Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру“.
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказалъ мнѣ: „Не стой на вѣтру“.

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Ахъ, дверь не запирала я,
Не зажигала свѣчъ,
Не знаешь, какъ усталая,
Я не рѣшалась лечь.

Смотрѣть, какъ гаснутъ полосы
Въ закатномъ мракѣ хвой,
Пьянѣя звукомъ голоса,
Похожаго на твой.

И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый адъ
О; я была увѣрена,
Что ты придешь назадъ.

СЪРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ.

Слава тебѣ, безысходная боль!
Умеръ вчера сѣроглазый король.

Вечеръ осенній былъ душень и алъ,
Мужъ мой, вернувшись, спокойно сказалъ:

„Знаешь, съ охоты его принесли,
Тѣло у стараго дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала сѣдой“.

Трубку свою на каминѣ нашель
И на работу ночную ушелъ.

Дочку мою я сейчасъ разбужу,
Въ сѣрые глазки ея погляжу.

А за окномъ шелестятъ тополя:
„Нѣтъ на землѣ твоего короля“...

ИГОРЪ СЪВЕРЯНИНЪ

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ.
Королева играла въ башнѣ замка Шопена,
И внимая Шопену полюбилъ ее пажъ.
Было все очень просто, было все очень мило;
Королева велѣла перерѣзать гранатъ,
И дала половину... и потомъ полюбила
И пажа истомила, вся въ мотивахъ сонатъ.
А потомъ отдавалась — отдавалась грозово;
До разсвѣта рабыней проспала госпожа.
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и напѣвы сонатъ.

* * *

Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ платьѣ
муаровомъ
По дорожкѣ олуной, вы проходите маревомъ!...
Ваше платье изысканно, ваша тальма лазорева,
А дорожка песчанная отъ листвы разурена,
Точно лапы паучія, точно мѣхъ ягуаровый.
Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная,
Упоенья любовныя вамъ судьбой предназначены.
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ платьѣ
муаровомъ
Вы такая эстетная, вы такая изящная!...
Но кого же въ любовники? И найдется ли пара
вамъ?

Ножки плэдомъ закутайте, дорогимъ ягуаровымъ,
И сядьсь комфортабельно въ ландолета бензино-
вомъ
Жизнь довѣрьте вы мальчику въ макинтошѣ резино-
вомъ...
И закройте глаза ему вашимъ платьемъ жасмино-
вымъ,
Шумнымъ платьемъ муаровымъ, шумнымъ платьемъ
муаровымъ...

* * *

Вы одѣлись вечеромъ кисейно
И въ саду стоите у бассейна,
Наблюдая, какъ лунѣтъ мраморъ
И притокъ надъ нимъ дрожить муаромъ.
Корабли оякорили бухты,
Привезли тропическіе фрукты,
Привезли узорчатыя ткани,
Привезли мечту объ океанѣ.
А когда придетъ бразильскій крейсеръ,
Лейтенантъ расскажетъ вамъ про гейзеръ
И сравнитъ... Но это такъ интимно...
Напѣвая нѣчто вродѣ гимна,
Онъ расскажетъ о лазорѣ Ганга,
О проказахъ злыхъ орангутанго,
И о знойномъ африканскомъ танцѣ,
И о вѣчномъ летунѣ голландцѣ.
Онъ покажетъ вамъ альбомъ Камчатки,
Гдѣ еще культура не въ зачаткѣ.
Намекнетъ о нѣжной дружбѣ съ гейшей,
Умолчавъ о близости дальнѣйшей.
За океанъ мечту свою зарѣвѣвъ,
И въ своей любви его увѣривъ,
Вы къ нему прижметесь съ тихой дрожью;
Полюбивъ его еще дороже.

° * *

Шампанскаго въ лилію, шампанскаго въ лилію,
Шампанскимъ искристымъ святѣть оно!
Миньонъ съ Эскаміліо, Миньонъ съ Эскаміліо!
Шампанское въ лиліи святое вино.
Пою я восторжено Рейхстагъ и бастилію,
Голубку и ястреба, кокотку и схимника, порывность
и сонъ,
Въ моряхъ дисгармонію, маякъ-унисонъ.

* * *

Весенній день горячъ и молодъ,
Весь городъ солнцемъ освѣщенъ!
Я снова я, я снова молодъ,
Я снова молодъ и влюбленъ.
Какой просторъ, какая воля,
Какія пѣсни и цвѣты!
Душа поетъ и рвется въ поле.
Я всѣхъ чужихъ зову на ты.
Скорѣй бы въ бричку по ухабамъ,
Скорѣй бы въ юные луга,
Въ лицо смотрѣть румянымъ бабамъ,
Какъ друга цѣловать врага!
Шумите вешнія дубравы,
Расти трава, цвѣти сирень;
Виновныхъ нѣтъ, всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

* * *

Кружевѣть, розовѣть утромъ лѣсъ;
Паучекъ по паутинкѣ вверхъ полѣзъ;
Бриллиантится веселая роса;
Что за воздухъ, что за свѣтъ, что за краса!
Ахъ, люблю гулять я утромъ по овсу,
Видѣть птичку, лягушенка и осу,
Слышать соннаго горланить пѣтуха,

Обмѣняться съ дальнымъ эхомъ: ха, ха, ха!...
Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать!
Ахъ, люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать,
Повстрѣчать и опираясь о плетень,
Гнать съ лица ея предутреннюю тѣнь.
И обнять ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни, какъ нибуды!

СОДЕРЖАНІЕ.

Н. МЕЛЬНИКОВА-ПАПОУШКОВА:	
Еще нѣчто о новѣйшей русской поэзіи	5
В. СОЛОВЬЕВЪ:	
Милый другъ	11
Зачѣмъ слова	11
Въ туманѣ утреннемъ	12
У царицы моей	12
Не по волѣ судьбы	13
Подъ чуждой властью	13
Въ странѣ морозныхъ вьюгъ	14
Опять надвинулись томительныя тѣни	15
Отшедшимъ	15
Три свиданья	15
Бѣлые колокольчики	17
В. ИВАНОВЪ:	
Sacra fames	19
Неотлучные	19
Fata Morgana	20
Mi fur le serpi amiche	20
Стихъ о святой горѣ	21
Осенью	23
На родинѣ	24
Осень	24
Обнищало листьѣ златое	24
Утренняя звѣзда	25
Троицынъ день	25
Трамонтана	26
Вызыванье Вакха	26
Сады розъ	28
Гость	29
Жертва	29
Похороны	30
Печаль полдня	31
Кочевники красоты	31
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ:	
Воспоминаніе	33
На улицѣ	33

Вѣчный зовъ	34
Вѣстники	35
Забота	35
Заброшенный домъ	36
Старинный домъ	37
Объясненіе въ любви	39
Опала	40
Поповна	41
Безумецъ	44
Кроткій отдыхъ	45
Родина	45
Изъ окна вагона	46
Бѣгство	47
Калѣка	49
Возвратъ	52
Золотое-руно	55
А. БЛОКЪ:	
Предчувствую Тебя...	57
Вхожу я въ темные храмы...	57
Я понялъ все...	58
Я, отрокъ...	58
Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни...	58
Покраснѣли и гаснутъ ступени...	59
Вѣрю въ Солнце Завѣта...	59
Потемнѣли, поблекли залы...	60
Я ихъ хранилъ въ придѣлѣ Іоанна...	60
О доблестяхъ...	61
Безмолвный призракъ...	62
Такъ окрыленно...	62
Городъ	63
Фабрика	64
По городу бѣгаль черныи челоуѣчекъ...	64
Свѣтъ въ окошкѣ шатался...	65
Старыя мысли	65
Молитвы	67
Она стройна и высока...	68
Всѣ кричали у круглыхъ столовъ...	68
Незнакомка	69
Снѣжное вино	70
Я вышелъ въ ночь —...	71
Встала въ сіяніи	72
Въ голубой, далекой спаленкѣ...	73
Вербочки	73
На весенней проталинкѣ...	74
Побывала старушка у Троицы...	75
Мой любимый...	75

Дѣвушка пѣла.....	76
Арлекинъ	77
Не за тѣмъ величалъ я себя...	77
Друзьямъ	78
Пустая улица	78
Изъ поэмы „Двѣнадцать“	79
М. ВОЛОШИНЪ:	
Вальдемоза	83
Парижъ	84
Въ Булонскомъ лѣсу	84
Рожденіе стиха	85
Осень	86
Гротъ нимфъ	86
Я ждалъ страданья.....	87
Зеркало	87
Полынь	88
Тѣсенъ мой міръ...	89
Я шель сквозь ночь...	89
Ночь...	89
Стигматы	90
Гностическіі гимнъ Дѣвѣ Маріи	90
Киммерическія сумерки	92
Она	93
С. ГОРОДЕЦКІЙ:	
Колдунокъ	95
Весна	95
Странникъ	96
Ярила	97
Какъ я тебя встрѣтилъ	98
Весенняя пѣсенка	99
Береза	100
Я приду къ тебѣ...	101
Въ дуплѣ трясучей конки...	101
Городъ	102
Шарманка	102
Поэтъ	103
Поэтъ	104
Гость	105
Кресло	106
ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА:	
Приснодѣва	109
Успеніе	109
Земля	110
Въ лазури спѣшный птицелеть...	110

АННА АХМАТОВА:

Любовь	113
Въ Царскомъ селѣ	113
Сжала руки	114
Бѣлой ночью	114
Сѣроглазый король	114

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

Это было у моря	117
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ	117
Вы одѣлись вечеромъ	118
Шампанскаго въ лилію	119
Весенній день	119
Кружевѣть, розовѣть утромъ лѣсь	119

АНТОЛОГІЯ РУССКОИ ПОЭЗІИ XX СТОЛѢТІЯ.

СОСТАВИЛА Н. МЕЛЬНИКОВА-ПАПОУШКОВА.

ТОМЪ I: К. Бальмонтъ. В. Брюсовъ. Ѡ. Сологубъ.
Д. Мережковскій. З. Гиппиусъ. А. Толстой.
Цѣна: Кр. ч. 9'00 или Фр. 4'50.

ТОМЪ II: В. Соловьевъ. В. Ивановъ. Андрей Бѣлый.
А. Блокъ. М. Волошинъ. С. Городецкій. Любовь Сторица.
Анна Ахматова. Игорь Сѣверянинъ.
Цѣна: Кр. ч. 12'00 или Фр. 6'00

Книгоиздательство „НАША РѢЧЬ“,
Praha II., Kateřinská 40.

Деньги посылаются одновременно съ заказомъ съ при-
бавленіемъ 10%, за пересылку.

Giroconto: BANQUE DE CREDIT DE PRAGUE.
Pošt. spoř. č. 20.537. Telef. 9416.

Книжный магазинъ „НАША РѢЧЬ“ посылаетъ всѣ
книги вышедшія за границей новыхъ и новѣйшихъ авто-
ровъ изъ беллетристики и поэзіи. Русскіе учебники. Сло-
вари. Ноты. Пѣсенники. Русскіе открытки. Каталоги
по требованію.